

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных трудов

Выпуск 13

Омск
ОМА МВД России
2018

УДК 34(082)
ББК 67.628.1
В74

Редакционная коллегия:

А. Н. Артамонов — кандидат юридических наук, доцент; *В. В. Бабурин* — доктор юридических наук, профессор; *М. В. Бавсун* — доктор юридических наук, профессор (*председатель*); *О. И. Бекетов* — доктор юридических наук, профессор; *В. Н. Борков* — доктор юридических наук, доцент (*зам. председателя*); *Б. Б. Булатов* — доктор юридических наук, профессор; *Т. Е. Грязнова* — доктор юридических наук, доцент; *Я. М. Мазунин* — доктор юридических наук, профессор; *А. А. Турышев* — кандидат юридических наук (*отв. секретарь*).

Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. тр. / пред. редкол. М. В. Бавсун. — Омск : Омская академия МВД России, 2018. — Вып. 13. — 108 с.

ISBN 978-5-88651-691-3

В сборнике научных трудов освещаются результаты фундаментальных и прикладных исследований, направленных на повышение эффективности применения норм права на современном этапе общественного развития.

Содержащиеся в сборнике материалы представляют интерес для научных работников, преподавателей, адъюнктов, аспирантов и практических работников.

УДК 34(082)
ББК 67.628.1

ISBN 978-5-88651-691-3

© Омская академия МВД России, 2018

М. А. Кожевина

«НАУКА ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Понятие «наука истории русского права» необходимо рассматривать в нескольких значениях, которые обусловлены прежде всего особенностями этого феномена и его ролью в развитии как практической, так и научной отечественной юриспруденции в дореволюционный период. Собственно, как наука, т. е. «систематическое учение о предмете» (по меткому замечанию А. Г. Станиславского)¹, история русского права складывается лишь во второй половине XIX столетия, да и само наименование научной дисциплины вводится в научную жизнь в это время. Однако интерес к истории права в отечественной юридической науке проявляется уже на стадии ее зарождения и связан с развитием высшего юридического образования, сначала в стенах академического, а затем Московского университетов, где формировалось не только российское юридическое сообщество, но и юридическая наука.

Изначально предполагалось, что в университете Российской академии право будет изучаться на общих теоретических началах, оставляя «в стороне обработку русского юридического материала». К середине XVIII в. тенденция меняется, и некоторыми из профессоров (несмотря на иностранное происхождение и приверженность европейской правовой традиции) предпринимается попытка внедрить в изучение европейского и русского права сравнительный метод, мало что значащий без исторического анализа российского законодательства. Пальма первенства в этом направлении принадлежит профессору Фридриху Генриху Штрубе де Пирмону. В отличие от своих предшественников, сторонников формально-теоретического метода, он первым из иностранных профессоров обратился к истории русского права и даже предпринял попытку создать в этой области научный труд — «Компендиум русского права» («Краткое руководство к российским правам»). Оценивая научное творчество Штрубе де Пирмона, Г. С. Фельдштейн определил его первым представителем историко-догматического направления в отечественной науке, заслуживающим большего внимания, чем кто-либо до него². «Мы

¹ Станиславский А. Г. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. Казань, 1853. С. 5.

² Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2003. С. 120.

видим, — пишет он, — что в своем „Руководстве“ Штрубе старается создать известную *научную схему* (здесь и далее курсив наш. — М. К.) и подойти при ее помощи, между прочим, к изложению догмы русского уголовного законодательства»³. И далее отмечает: «В качестве приема изучения истории русского уголовного права Штрубе прибегает к *сопоставлению* русских законов с германскими и скандинавскими правдами и высказывает взгляд, что изучение последних „изъявляет нам... разум законов русских“»⁴.

С созданием в 1755 г. Императорского Московского университета расширился спектр преподаваемых дисциплин, а значит, изменилось представление о содержании науки. В круг научных интересов вовлеклось наравне с естественным, римским, зарубежным правом и право российское. Однако изучение отечественного права по объективным причинам не могло иметь успеха. М. М. Сперанский связывал этот факт с отсутствием систематизации российского законодательства⁵. А. Г. Станиславский видел еще одну причину — «совершенный недостаток в природных русских подданных, способных занять место преподавателя в университете... Само собою разумеется, нельзя было требовать от иностранцев, незнакомых даже с языком туземным, чтобы они занимались изучением русского законодательства»⁶.

Начало изучения русского права «по-русски» связано с первыми русскими профессорами Московского университета Семеном Ефимовичем Десницким (около 1740–1789 гг.) и Иваном Андреевичем Третьяковым (около 1735–1779 гг.). Этому способствовало и требование императрицы Екатерина II, прозвучавшее на торжественной церемонии открытия Уложенной комиссии: «... в университете пристойнее бы читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию». В 1768 г. увидело свет одно из первых произведений С. Е. Десницкого «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», где автор предложил систему познания права и обучения юристов на русском языке, принципиально отличающуюся от существующей. Исследования русского права должны были осуществляться, по его мнению, «порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным об них рассужде-

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 101–102.

⁶ Станиславский А. Г. Указ. соч. С. 33.

нием»⁷. Благодаря С. Е. Десницкому в 1773 г. в Московском университете была создана кафедра русского законовещения, со временем ставшая центром формирования историко-правовой науки.

Таким образом, к началу XIX столетия история русского права нашла достойное место прежде всего в ряду научных познавательных средств, позволяющих формировать всестороннее представление об отечественном праве. На рубеже XVIII–XIX вв. складывалась так называемая наука законов («законоведение», «законоискусство»). Дальнейшее развитие истории русского права виделось в трех ракурсах. Первое было связано с университетским образованием и проведением образовательной реформы. Второе направление предполагало работу по систематизации российского законодательства. И, наконец, третье обосновывалось идеологическим постулатом «самодержавие, православие, народ», т. е. определялось требование к научному познанию отечественного права в рамках истории Российского государства и общества.

Согласно «Предварительным правилам народного просвещения», утвержденным 24 января 1803 г., на территории страны создавалось шесть учебных округов, центрами которых становились университеты⁸. С расширением сети университетов эволюционировало и университетское образование, соответственно, менялись представления о науке. В начале XIX в. университетская юридическая образовательная и научная деятельность — неразделенные сферы, имеющие внутреннюю сложную структуру. Сложившаяся практика обуславливала многоаспектность научных изысканий, носила всеобъемлющий характер, вовлекала в научный оборот разноплановые проблемы отечественной и зарубежной юриспруденции, тем самым способствуя расширению и углублению научного поля. Но в то же время эта практика носила бессистемный и абстрактный характер, отсутствовали четкие представления об объекте и предмете юридической науки, о методологии. Подводя итоги этому развитию, А. А. Благовещенский писал: «С умножением университетов и лицеев в XIX веке пробудилась новая, быстрая и обширная деятельность в области законовещения, как и во всех других родах наук и искусств. Явилось большое количество разных ветвей науки... Все сии науки предлагались почти исключительно в виде догматическом: история, философия, вообще лучшая метода преподавания принадлежали к таким предметам, коих только желали, о коих встреча-

⁷ Цит. по: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010. С. 153–154.

⁸ *Предварительные правила народного просвещения* // 1-ПСЗРИ. Т. 27. № 20597. С. 437–442.

ются только более или менее намеки и взгляды». И далее: «Законоведцы, жившие прежде нашего времени не могли создать науки отечественного законоведения, главным образом, потому, что не имели ни Полного собрания, ни Свода законов. Ныне сии источники открыты во всевозможной чистоте и полноте, и еще непрестанно обогащаются новым приливом законодательства и истории»⁹.

Общепризнана заслуга М. М. Сперанского, ставшего идейным вдохновителем и организатором систематизации российского законодательства. Работа над «Полным собранием законов Российской империи» и «Сводом законов Российской империи» началась одновременно. Сначала создавались «исторические» своды, а затем «догматические», которые впоследствии стали называться «систематическими»¹⁰. Именно работа над историческими сводами способствовала консолидации правоведов-историков, подвигла их к осмыслению и обособлению предмета и методологии науки истории русского права.

Острота этого процесса еще в большей степени проявилась на фоне складывающейся и развивающейся немецкой исторической школы права, возникшей в качестве реакции на господство естественно-правовой доктрины. Именно представители этого направления европейской научной юриспруденции способствовали нивелированию конкуренции философско-правового и догматико-юридического методов, соединяя философские идеи с юридическими конструкциями.

Отход от естественно-правовой доктрины к познанию права был подкреплен и политическими приоритетами Российского государства. В официальных кругах стали говорить о вредности преподавания естественного права в университетах и о нецелесообразности его дальнейшей научной разработки. В «Журнале Министерства народного просвещения» появилась статья ординарного профессора Санкт-Петербургского университета А. А. Фишера «О новейшем естественном праве», которая фактически выражала сложившуюся в науке позицию, вписывающуюся в контекст политики «официальной народности»¹¹. В частности, профессор А. А. Фишер указывал на отрыв естественного права от религии и этики. Он развернул критику методологии, «не зависящей ни от каких положительных данных, и что еще важнее, ни от

⁹ *Благовещенский А. А.* История метод законоведения в XVIII и XIX вв. // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1835. Ч. 7. № 7. Отделение 2. С. 50–51.

¹⁰ *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 107–110.

¹¹ *Фишер А. А.* О новейшем естественном праве // ЖМНП. 1836. Ч. 9. № 1. С. 1–20.

какого нравственного закона»¹², и предлагал вслед за немецкими юристами, взглянуть на действующее право как на продукт истории¹³. Эта точка зрения была поддержана не только министром просвещения Российской империи С. С. Уваровым¹⁴, но и принята большинством отечественных профессоров: исторический метод познания права нашел развитие в трудах многих из них.

Организаторами этого научного направления выступали приглашенные в Дерптский университет немецкие профессора Иоганн Филипп Густав Эверс (1781–1830 гг.) и Александр Магнус Фромгольд фон Рейц (1799–1862 гг.). «Древнейшее право русских в его историческом развитии» И. Ф. Г. Эверса и «Опыт истории юридических факультетов российских университетов исследований истории русского права» А. М. Ф. фон Рейца, по определению М. Ф. Владимирского-Буданова, стали «первым опытом полного и систематического курса истории русского права»¹⁵. «Одним из талантливых проводников исторического направления в русскую жизнь» был и Алексей Андреевич Благовещенский (1800–1835 гг.). Его работа «История метод науки законоведения в XVIII–XIX веке» (1835 г.) в полной мере оправдывала роль «пропагандиста идеи Савиньи и его школы»¹⁶.

В то же время новый вектор, направленный на историческое и догматическое исследование отечественного законодательства, обусловил необходимость теоретических обобщений в рамках специальной дисциплины, получившей наименование «Энциклопедия, или Общее обозрение системы законоведения». Константин Алексеевич Неволин (1806–1855 гг.), автор первого учебника по энциклопедии законоведения, увидевшего свет в 1839–1840 гг., впервые поставил вопрос о необходимости разграничения истории законов и истории законоведения, определил способы изложения истории законов и истории законоведения, указал на различия в определении времени развития законов и законоведения, обозначил порядок изложения истории законов и законоведения, определил особенности и этапы развития отечественного законоведения¹⁷.

¹² Там же. С. 1.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 55.

¹⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 34.

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 50.

¹⁷ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Полное собрание сочинений. СПб., 1857. Т. 1. С. 116–126.

Вторая половина столетия уже была ознаменована появлением обобщающих историко-правовых исследований¹⁸. В трудах Ф. И. Леонтовича, В. И. Сергеевича, А. Н. Филиппова, И. Д. Беляева, М. Ф. Владимирского-Буданова, Н. В. Латкина, Н. П. Загоскина и др. определяются предмет науки истории русского права, ее задачи, всесторонне раскрывается содержание и выделяются периоды истории отечественного права. М. Ф. Владимирский-Буданов, обобщая накопленный наукой опыт, раскрыл и содержание понятия «наука истории русского права». Он писал: «Понятие о науке истории русского права выводится из трех отдельных признаков, входящих в него, а именно из понятий: а) о праве как совокупности обязательных норм, определяющих отношения государственные и частные; б) об истории как прогрессивном движении явлений от форм простых к более сложным и совершенным; в) о нации как части человеческого рода, воспроизводящей в себе общечеловеческие законы развития в формах особенных (оригинальных). Предмет... определяется первым из указанных признаков, т. е. понятием о праве»¹⁹. Третий признак им рассматривался в контексте «объема нашей науки». Он считал, что история исследует прежде всего русское национальное право, а не историю права Русского государства, так как история русского права должна включать в себя историю права таких русских областей, которые не входили и не входят в состав Русского государства (например, историю литовско-русского права как связующее звено между древним правом и периодом империи).

Исследователи истории русского права отмечали и тот факт, что история национального русского права находится в определенном отношении к истории права славянского. В связи с этим выделяли цель и задачи науки, которые заключались в «разработке юридического быта известного народа в историческом развитии». Реализация цели и задач рассматривалась в двух плоскостях — внешней (изучение законодательства) и внутренней (изучение догмы русского права), т. е. изучение законов, регулирующих «юридическую жизнь народа... с одной стороны», и формы «их выражения и осуществления на практике, с другой стороны»²⁰. Одновременно выделялись и основные периоды истории русского права, в рамках которых осуществлялась историко-правовая аналитика. Одни из

¹⁸ См., напр.: *Леонтович Ф. И.* История русского права. Одесса, 1869; *Сергеевич В. И.* История русского права : лекции. СПб., 1879; *Филиппов А. Н.* История русского права : курс лекций. М., 1889; и др.

¹⁹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч. С. 6.

²⁰ *Латкин Н. В.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888. С. 1–2.

исследователей выделяли три периода, например, М. Ф. Владимирский-Буданов: «1) период земский (или княжеский) — IX–XIII вв.; 2) период московский (правильнее — двух государств: Московского и Литовского) — XIV–XVI вв.; 3) период империи — XVIII–XIX вв.»²¹. Другие ученые называли четыре периода. Например, И. Д. Беляев рассматривал как самостоятельный период племенной организации общественной жизни славян (догосударственный)²².

Таким образом, можно утверждать, что к концу XIX в. история русского права являлась уже самостоятельной научной дисциплиной и заняла свою нишу в отечественной юридической науке. В рамках юридического научного сообщества сформировалась группа исследователей, специализирующихся в этой области правовых знаний, способная к глубокому аналитическому исследованию российской правовой действительности, сформировавшая все необходимые факторы для дальнейшего развития этого научного направления.

В. В. Бабурин

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Уголовное право является одной из основных отраслей права в правовой системе современных государств. Это связано с той ролью, которую оно играет в правовом механизме любого государства. Несмотря на общие черты, определяемые его главными функциями, в большинстве зарубежных государств уголовное право характеризуется рядом особенностей. Для анализа таких особенностей необходимо использовать знание специфики национальных уголовно-правовых систем зарубежных государств при сопоставлении их основных системообразующих элементов, выявлении общих и отличительных черт. Специфика такого подхода настолько очевидна, что лежит в основе ряда наук, основанных на сравнительном методе. В целом данный метод именуется методом сравнительного правоведения.

Проблема определения содержания уголовно-правового регулирования и, соответственно, содержания уголовно-правовых отношений явля-

²¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 7.

²² Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. III.

ется общей для уголовного права разных стран. Как отмечает А. Н. Тарбагаев, имеется «значительное совпадение общих тенденций развития интернациональной теории уголовного права, несмотря на все многообразие национальных, культурных, политических, экономических и религиозных традиций, присущих каждому государству»¹.

Предметом уголовного права зарубежных государств является национальное уголовное право конкретных зарубежных стран современного мира. При этом национальное уголовное право представлено совокупностью национальных систем уголовного права всех современных стран (за исключением России).

Изучение большого количества существующих уголовно-правовых систем представляется весьма трудной задачей². Вместе с тем пристальное знакомство с содержанием и принципами строения правовых систем отдельных зарубежных государств позволяет сделать выводы не только о принципиальной возможности изучения всех уголовно-правовых систем современных государств, но и о полной реалистичности выполнения данной задачи.

Во-первых, во всех без исключения государствах мира уголовное право выполняет одни и те же функции: охранительную, регулятивную и предупредительную. Во-вторых, выполнение этих функций реализуется почти в одинаковых условиях человеческого общежития во всех странах мира. В-третьих, все государства мира не одно столетие имели тесные международные отношения, оказывали влияние друг на друга.

Изучение сущности зарубежного уголовного права предполагает знакомство со всеми его источниками, лишь познание системы его источников позволяет получить целостное представление о содержании зарубежного уголовного права.

Под источниками зарубежного уголовного права принято понимать официальные формы выражения и закрепления уголовно-правовых норм, действующих в современных зарубежных государствах³. Они имеют важное теоретическое и практическое значение для национальных уголовно-правовых систем. Более того, национальные уголовно-

¹ Тарбагаев А. Н. Введение в уголовное право Нидерландов: Основные институты Общей части : учеб. пособие. Красноярск, 2000. С. 5.

² Малиновский А. А. Сравнительное уголовное право : учебник. М., 2014, 592 с. ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Марцева. 2-е изд., перераб. и доп. Омск, 2006. С. 368.

³ Брайтнин Я. М. Источники уголовного права капиталистических государств. Киев, 1970. С. 4.

правовые системы различаются именно тем, какие источники уголовного права являются основными в данных системах.

Важная роль источника определена тем, что он выступает начальным элементом права, способом выражения воли государственных органов, средством доведения управляющего воздействия от государства до сознания людей. Источники уголовного права, как и любой другой отрасли права, отличаются многообразием, которое связано, во-первых, с объективной вариантностью способов выражения воли государства и средств доведения этой воли до сознания людей, во-вторых, с тем, что источник права выполняет лишь роль средства выражения воли и может быть нивелирован прямым воздействием общих правовых идей, общей правовой культуры человека.

Вместе с тем такое многообразие отражает единое содержание источника уголовного права и лишь подчеркивает его специфическую роль. При этом не только содержательной, но и формальной стороне источников уголовного права всегда уделялось большое внимание. Существовала и существует опасность искажения государственной воли при ее выражении в переводе на конкретные общеобязательные правила поведения.

Многообразие источников зарубежного уголовного права также объясняется опытом исторического развития уголовного права, когда от традиций и обычаев как основных способов регулирования поведения людей человечество постепенно перешло к религиозным, моральным, этическим нормам, договорам и прецедентам, нормативным правовым актам.

В процессе длительного перехода данные формы выражения государственной воли, с учетом исторических условий развития отдельных государств, имели разное по масштабам и длительности влияние на общую картину уголовно-правового регулирования. При этом многие формы выражения правовых норм в течение десятилетий сохранялись в неизменном виде. Например, в исламском (мусульманском) уголовном праве религиозные нормы до сих пор сохраняют свое правовое значение.

Среди источников права принято выделять в порядке их исторического формирования и развития: 1) традиции общинного быта; 2) неписанный обычай; 3) религию; 4) мораль; 5) правовой обычай; 6) юридический прецедент; 7) доктрину; 8) договор; 9) нормативный правовой акт. В уголовно-правовых системах используются не все разновидности источников права. Так, в различных уголовно-правовых семьях применяются в основном обычай, судебная практика, доктрина, нормативный акт.

При этом обращает на себя внимание и подход к уже существующим источникам уголовного права. Так, в ряде стран традиционной уголовно-правовой семьи имеются такие источники права, как законы, однако в целом они являются лишь моделью, которую вполне уместно нарушать, если этого требуют обычай или традиция. В странах, относящихся к религиозной уголовно-правовой семье, существующие и вновь принимаемые законы ни при каких обстоятельствах не могут изменять устоявшихся религиозных канонов. В некоторых странах судебной практике фактически отводится роль закона. В других странах доктринальные труды и толкования закона, даваемые авторитетными учеными, могут корректировать действующие уголовно-правовые нормы, установленные законодательством.

И еще одно обстоятельство постоянно присутствует при характеристике источников уголовного права. Это проблема так называемого официального признания той или иной формы выражения права в качестве источника права. Часто на государственном уровне утверждается, что та или иная форма выражения и закрепления права не является официальной, хотя в действительности при фактическом решении практических вопросов она играет не менее важную роль, чем законы. Так, не признается важной роль законов в английском уголовном праве, во французском уголовном праве не признается судебная практика в качестве источника уголовного права, а в мусульманских странах с исламской уголовно-правовой системой, не допускающей изменения религиозных канонов, различными способами добиваются обхода этого правила, не затрагивая ортодоксальных принципов ислама, и т. д.

Правовой обычай был основным источником права древних государств на протяжении многих веков. Ссылки на древних мудрецов, обладающих священным авторитетом, хранителей обычаев можно найти почти во всех памятниках древнего права. Постепенно с развитием государства верховная власть активно опиралась на установившиеся образцы поведения людей, сложившиеся в прошлом, и ориентировалась на них. Обычаи, наполняемые новым социальным содержанием, санкционировались государством. На примере таких универсальных обычаев, как кровная месть и талион, в которых нашел отражение принцип равного воздаяния родового строя (око за око, зуб за зуб), по памятникам можно проследить, как эти старые обычаи наполнялись новым содержанием. Появление имущественных, сословных, профессиональных и других различий привело к прямому извращению в нормах древневосточного права идеи первобытного строя о равном воздаянии. Эти нормы стали исходить из того, что цена крови знатного, богатого выше цены крови бедного, незнатного.

Впоследствии юридическими источниками уголовного права были различные религиозные правила, обычаи, решения судебных органов, распоряжения должностных лиц, а также доктринальное толкование юридических предписаний выдающимися правоведами того времени. Наряду с религиозными нормами большое значение оказывали нравственные нормы. Оформленные должным образом, они порой заменяли правовые нормы, которыми руководствовались люди. В них предпочтение отдавалось примирению сторон.

Дальнейшее развитие общества обусловило множественность форм (источников) права, закрепляющих «кулачное» право сильного. Это и возродившиеся нормы обычного права (Русская Правда, Салическая правда), и получившие широкое распространение религиозные правила (каноническое право, Коран), и судебная практика, и прецеденты, и труды крупных ученых-юристов.

Первые памятники права в основном закрепляли наиболее распространенные обычаи и установившуюся на их основе судебную практику. С этим связаны их неполнота, неразработанность ряда институтов и норм, казуистический характер, поскольку правовая норма фиксировалась не в обобщенной форме, а в виде конкретного случая.

Особое внимание следует обратить на уголовно-правовые системы, которые сформировались в медленно эволюционирующих древневосточных обществах⁴. В них нашли отражение нормы старого родового строя, например, предусматривающие коллективную ответственность членов семьи или даже членов соседской общины за проступки, совершенные одним из них (кровную месть, самосуд, талион).

Общие традиционные черты древневосточного уголовного права определялись в значительной мере длительным существованием в странах Древнего Востока таких социальных форм, как община, большая патриархальная семья. Во всех нормах древневосточного уголовного права, как правило, нельзя обнаружить прямых отличий преступлений от иных правонарушений. Оно определяется лишь по религиозным концепциям о тяжести, греховности того или иного поведения человека в Древнем Вавилоне и в Древнем Китае или религиозной концепцией мироздания, словесного деления в Древней Индии.

Доктрина также является одним из древних источников уголовного права. Ни одна уголовно-правовая система не может должным образом функционировать без научной интерпретации уголовного права

⁴ Старостина С. А. История мусульманского государства и права : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. Калининград, 2002. Ч. 2. 92 с.

или закона, без их научного комментирования по смыслу, предназначению, практическому применению. Всегда существует четкая определенность права, его принципов и норм, с одной стороны, и своего рода неопределенность их применения на практике — с другой. Это объяснимо тем, что часто в жизни возникают такие ситуации, которые невозможно предположить умозрительно, не говоря уже о постоянном изменении социально-экономических условий. Поэтому неизбежны комментарии и другие научные руководства, служащие правоприменительной практике.

Закон, как полагали раньше, содержит лишь главное, самое необходимое, но в решении конкретных дел следует держаться не буквы закона, а воли законодателя, для чего достаточно здравого смысла, способности отличать доброе от злого, справедливое от несправедливого, это тем более важно при множестве законов, их противоречивости, бессистемности. Доктрина в течение длительного времени была основным источником права в романо-германской уголовно-правовой семье, поскольку с XIII в. по XVIII в. в университетах Европы наряду с местным правом активно изучалось римское право, и на этой базе вырабатывались основные общие принципы и институты уголовного права.

Доктрина играла и играет важную роль фактического источника уголовного права, так как именно она вырабатывает и формулирует главные уголовно-правовые понятия, определяет их основные признаки, формирует правовое сознание законодателя и тенденции развития уголовного права.

Результат диалектической взаимосвязи различных видов источников и форм их внешнего выражения определяет специфику современных уголовно-правовых систем. В одних государствах преимущественное распространение получили правовые акты парламентов, в других — делегированное законодательство органов управления, в третьих — прецеденты и судебные решения, в четвертых — религиозные нормы (Коран, Сунна, Иджма) и т. д.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что значительная часть государств имеет сходные черты уголовно-правовых систем, позволяющие нам абстрагироваться от их незначительных отличий и объединить уголовно-правовые системы всех государств мира в несколько самостоятельных уголовно-правовых семей.

Уголовно-правовая семья — это совокупность национальных уголовно-правовых систем отдельных государств, объединенных близостью происхождения и содержания их правовых источников, принципов и

оснований уголовной ответственности, сходством основных уголовно-правовых понятий и терминов, единством мер государственно-правового воздействия на преступников и охраняемых уголовным правом общественных отношений.

Одним из главных вопросов содержания уголовно-правовых семей является проблема их классификации⁵. Важным направлением при этом выступает проведение классификации уголовно-правовых семей на основе общей классификации правовых семей. Интересную классификацию уголовно-правовых семей предложил Г. А. Есаков, полагая, что в основе их деления должна быть характеристика ведущей идеи, которой придерживается тот или иной тип уголовно-правовой семьи. В качестве доминирующих идей он выделяет: в семье континентального уголовного права — закон; в семье общего права — человека; в семье религиозного уголовного права — Бога; в семье общинного уголовного права — общество; в семье обычного уголовного права — семью.

Поскольку именно источником во многом определено содержание права, основные уголовно-правовые семьи целесообразнее всего классифицировать в соответствии с источниками, которые фактически влияют на содержание уголовно-правового регулирования.

Таким образом, все богатство мировых уголовно-правовых систем может быть сведено к пяти уголовно-правовым семьям:

1. Семья законодательного уголовного права (романо-германская правовая семья):

— группа романского уголовного права (Франция, Италия, Бельгия, Испания, Нидерланды (Голландия), Швейцария, Португалия, Румыния, латиноамериканские страны);

— группа германского уголовного права (ФРГ, Австрия, Венгрия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Греция, Латвия, Эстония);

— группа славянского и стран СНГ уголовного права (Россия, Болгария, Белоруссия, Украина, Югославия, Польша, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан).

2. Семья прецедентного уголовного права (англо-американская правовая семья):

— группа английского уголовного права (Англия, Ирландия, Канада, Новая Зеландия);

— группа американского уголовного права (США, Австралия, Индия).

⁵ Клейменов И. М. Сравнительная криминология : монография. М., 2012. С. 31 ; Марченко М. Н. Правовые системы современного мира : учеб. пособие. М., 2009. 528 с.

3. Семья религиозного уголовного права:

— группа исламского (мусульманского) уголовного права (Алжир, Бахрейн, Афганистан, Иран, Марокко, Мавритания, Тунис, Катар, Саудовская Аравия, Судан);

— группа буддистского (индусского) уголовного права (Бангладеш, Бирма, Малайзия, Непал, Южный Йемен, Восточная Африка);

— группа иудейского (еврейского, талмудинского) уголовного права (Израиль);

— группа католического (канонического, церковно-католического) уголовного права (Ватикан).

4. Семья традиционного уголовного права:

— группа дальневосточного уголовного права (Япония, Китай);

— группа африканского уголовного права (Сенегал, Мали, Берег Слоновой Кости, Бурунди, Руанда, Камерун, Бенин, Конго, Габон, Тропическая Африка).

5. Семья смешанного уголовного права (Индия, Китай, Кувейт, Пакистан, Сирия, Япония).

В заключение стоит заметить, что содержание источников уголовного права в основных зарубежных уголовно-правовых семьях имеет большое значение для понимания системы уголовного права зарубежных государств. При этом надо исходить из того, что национальные уголовно-правовые семьи образуются из систем национального уголовного права, а они, в свою очередь, имея относительную самостоятельность, могут отставать или опережать в своем развитии общую направленность всей уголовно-правовой семьи.

Непосредственное воздействие на этот процесс оказывают родовые правовые идеи, необходимость установления взаимоотношений между государствами и другие интегрирующие факторы. Данные обстоятельства, влияя на правовую политику государства, вынуждают законодательные органы государств заимствовать современные правовые идеи, вносить изменения в национальное законодательство, принимать новые законы, кодексы, иные нормативные правовые акты, менять судебную практику. И поскольку не все государства имеют реальную возможность сразу переработать все нормативные акты, изменить всю судебную практику, неизбежна ситуация, когда положения отдельных нормативных правовых актов и кодексов опережают или отстают от общего содержания всей национальной правовой системы.

Е. В. Благов

О ПОНЯТИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Термин «уголовная ответственность» использован в Уголовном кодексе около 140 раз, что довольно часто и не может не подчеркивать его значимость для уголовного права. Однако его нормативная дефиниция отсутствует. Ее отыскание — задача уголовно-правовой науки.

На сегодняшний день в отношении уголовной ответственности безоговорочно признано лишь то, что она является видом юридической ответственности, а последняя — видом социальной ответственности. Только данное знание не удастся превратить в то звено цепи рассуждений, ухватившись за которое можно вытащить на свет всю цепь.

Во-первых, в уголовном праве отсутствует ясность в отношении природы уголовной ответственности: является ли она исключительно негативной (ретроспективной, за прошлое) или может быть и позитивной (перспективной, направленной в будущее). Одни авторы последовательно выступают за традиционный подход¹, другие — активно продвигают двойное видение².

Во-вторых, не имеется единства в том, только ли уголовная ответственность предусмотрена в уголовном законодательстве. В последнем, кроме нее, выделяют ответственность ювенальную³, посткриминальную (проуголовную)⁴, смешанную (уголовно-посткриминальную)⁵.

В-третьих, возникли серьезные разногласия относительно отличительных признаков уголовной ответственности в уголовном праве. Значимые расхождения выявились уже при выделении ее родового признака. На данную роль выдвинуты такие претенденты, как ста-

¹ См., напр.: *Уголовное право России* : в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 221 ; *Филимонов В. Д.* Уголовная ответственность по российскому уголовному законодательству. М., 2008. С. 103–104.

² *Кропачев Н. М., Прохоров В. С.* Механизм уголовно-правового регулирования : Уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 5, 19 ; *Энциклопедия уголовного права* / изд. проф. Малинина. СПб., 2007. Т. 8. С. 17 ; и др.

³ *Андриенко В. А., Лесниченко И. П., Пудовочкин Ю. Е., Разумов П. В.* Уголовная ответственность : понятие проблемы реализации и половозрастной дифференциации. М., 2006. С. 31.

⁴ *Ашин А. А., Лощенко Е. В.* Общие вопросы ответственности в уголовном праве. Владимир, 2008. С. 113 ; *Сабитов Р. А.* Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора. М., 2013. С. 172.

⁵ *Ашин А. А., Лощенко Е. В.* Указ. соч. С. 113.

тус преступника⁶ или ухудшение правового статуса лица⁷; средства уголовно-правового воздействия⁸ или его меры⁹ либо меры государственного принуждения¹⁰; осуждение¹¹; оценка (осуждение)¹² или отрицательная оценка, а также претерпевание¹³, процесс претерпевания¹⁴ или применение судом и фактическое претерпевание преступником определенных лишений и ограничений¹⁵; обязанности¹⁶; негативные последствия¹⁷ или последствие совершения преступления в виде наказания¹⁸; содержание возникающего в результате совершения преступления правоотношения¹⁹, правоотношение, возникающее между государством и лицом, совершившим преступление²⁰, или правоотношения, закрепленные уголовным, уголовно-процессуальным и

⁶ *Щербаков В. В.* Уголовная ответственность, ее основание : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 7.

⁷ *Мальцев В. В.* Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С. 375.

⁸ *Ширинов А. А.* Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. С. 8.

⁹ *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть. М., 2018. С. 443.

¹⁰ *Аввакумова О. Ю.* Уголовно-правовая регламентация освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 8.

¹¹ *Симонова Е. А.* Примирение с потерпевшим в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 10.

¹² *Кропачев Н. М., Прохоров В. С.* Указ. соч. С. 44.

¹³ *Бриллиантов А. В.* Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики. М., 2010. С. 12.

¹⁴ *Василевский А. В.* Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 9.

¹⁵ *Ремизов М. В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против интересов публичной службы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 12.

¹⁶ См., напр.: *Егоров В. С.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 2002. С. 22 ; *Полный курс уголовного права* : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 519.

¹⁷ *Курс уголовного права* : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1 : Общая часть. С. 190.

¹⁸ *Каплин М. Н.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 12.

¹⁹ *Моисеенко Я. В.* Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 9.

²⁰ *Ведмидь С. Э.* Проблемы реализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 6.

уголовно-исполнительным законами²¹; реализация взаимных прав и обязанностей²²; акт суда²³.

Можно, конечно, продолжать нанизывать различные подходы к родовому признаку понятия уголовной ответственности. Вместе с тем это уже вряд ли изменит очевидное — разнообразие мнений. Хотелось бы сказать, что все они верны и всего лишь отражают разные грани уголовной ответственности, но это не так. Исследователями использованы слишком разные явления при выведении родового признака понятия уголовной ответственности. Под ней начали понимать даже то, что направлено на достижение целей уголовной ответственности²⁴.

Пришла пора пристальнее взглянуть на соответствующие предписания самого уголовного законодательства. В нем содержится немало под-сказок по поводу разрешения проблемы.

Во-первых, на основании ч. 2 ст. 2 УК РФ для осуществления стоящих перед ним задач Кодекс «определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния являются преступлениями». Уголовная ответственность в отраслевом законе постоянно связывается с совершением преступления (ст. ст. 4, 11–13, 17, 20, 22, 23, 27, 29, 30, 34, 35 УК РФ).

Поэтому, с одной стороны, сомнительно, что уголовная ответственность может быть позитивной. Трудно согласиться с высказанным мнением, что «ни вреда, ни пользы в таком научном подходе нет; он также возможен, как и традиционная трактовка уголовной ответственности»²⁵. Однако если от чего-то нет ни вреда, ни пользы, то зачем оно необходимо? При этом традиционная трактовка подкрепляется уголовным законом, а нетрадиционная — сугубо теоретическая конструкция. Она, вероятно, имеет право на существование, но в плане *de lege ferenda*, а не *de lege lata*.

С другой стороны, сомнительно, что в уголовном праве может быть несколько видов ответственности. В уголовно-правовой литературе ювенальная ответственность связывается с принудительными мерами воспитательного воздействия, а посткриминальная — с мерами, применяемыми при совершении посткриминальных поступков. Продолжая анализ соответствующих мер, в уголовном законодательстве нетрудно найти и

²¹ Козлов А. П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. Красноярск, 2013. С. 73.

²² Лесниченко И. П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 8.

²³ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 103–104.

²⁴ Ведмидь С. Э. Указ. соч. С. 6.

²⁵ Лопашенко Н. А. Введение в уголовное право. М., 2009. С. 88.

другие виды ответственности. Они могут быть связаны с такими мерами уголовно-правового характера, как конфискация имущества (конфискационная ответственность) и штраф (штрафная ответственность), а также с обязанностями, возлагаемыми на условно осужденного и условно-досрочно освобожденного (обязательственная ответственность). Только вряд ли такой подход будет правильным.

Дело в том, что на основании положений общей теории права с учетом отраслевого критерия деления юридической ответственности уголовному праву свойствен лишь один ее вид — уголовная ответственность. Внутри же отрасли права должны выделяться не самостоятельные виды отраслевой ответственности, а подвиды определенного вида юридической ответственности. Так, различается уголовная ответственность в сферах отношений: прав и свобод человека и гражданина; экономики, собственности; общественного порядка и общественной безопасности; окружающей среды; конституционного строя РФ; мира и безопасности человечества²⁶.

Введение в терминологический аппарат уголовного права других, кроме уголовной, видов ответственности в уголовном законодательстве ведет к ее девальвации. Она теряет место в триаде, охватывающей, кроме нее, преступление и наказание. И ее роль низводится до технического обозначения возможности наступления последствий совершения любого деяния, предусмотренного уголовным законодательством.

Скорее всего, далеко не во всех случаях, где в нормативных правовых актах указывается на какие-то правовые последствия того или иного поведения, следует говорить об ответственности. Вероятно, законодатель не поступает так в Уголовном кодексе вовсе не случайно.

Во-вторых, уголовной ответственностью только в Общей части уголовного законодательства признается то:

- а) что предусматривается (ст. 1 УК РФ) или устанавливается (ст. 2);
- б) что имеет основание и принципы (ст. ст. 2, 8);
- в) чему лицо подлежит (ст. 4, ч. 1 ст. 5, чч. 1 и 3 ст. ст. 11, 12, 19, чч. 1 и 2 ст. ст. 20, 22, 23, ч. 3 ст. 31, ч. 5 ст. 35, ч. 4 ст. 81) или не подлежит (чч. 3 ст. ст. 20–21, чч. 2 и 4 ст. ст. 31, 33, 36);
- г) что не допускается (ч. 2 ст. 5);
- д) что несетя (чч. 2 ст. ст. 11, 12, ч. 1 ст. 17, чч. 4 и 5 ст. 34, чч. 5 ст. ст. 35, 42) или не несетя (ч. 2 ст. 6);
- е) о чем разрешается вопрос (ч. 4 ст. 11);

²⁶ Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 650–651.

- ж) к чему привлекаются (ч. 3 ст. 12, ст. 13);
- з) что наступает (ч. 3 ст. ст. 17, 20, 27, 29, 30, ст. 34, п. «д» ч. 1 ст. 63);
- и) что определяется (ч. 1 ст. 34);
- к) что влечется (ч. 6 ст. 35, ст. ст. 38, 39);
- л) от чего освобождаются (ст. ст. 75–76², 78, ч. 2 ст. 84, ст. ст. 90, 94).

Все это — путеводные нити к определению того, что имел в виду под уголовной ответственностью нормотворец.

Конечно, полисемия не украшает Уголовный кодекс. В то же время если на ней не акцентировать внимание, то существенные признаки уголовной ответственности вытекают непосредственно из текста Общей части уголовного законодательства:

1. Уголовная ответственность предусматривается (устанавливается) Уголовным кодексом. Это недвусмысленно отражено в предписаниях ч. 1 ст. 1 УК РФ о том, что «новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс», и ч. 2 ст. 2 о том, что для осуществления стоящих задач Кодекс «устанавливает основание и принципы уголовной ответственности».

Причем специфика уголовной ответственности должна определяться предметом и методом именно уголовно-правового регулирования. Тем самым выходить за пределы уголовного законодательства она не может.

Поэтому весьма сомнительна продуктивность подхода к уголовной ответственности, согласно которому ее элементы содержатся, кроме уголовного, в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве²⁷. В последних вполне допустим свой вид юридической ответственности, который определяется предметом и методом их регулирования.

2. Уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее преступление, и не подлежит лицо, не совершавшее такового. Поскольку это так, уголовная ответственность может быть только обязанностью, которая на соответствующее лицо возлагается. Дело в том, что в русском языке «ответственность» означает «необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, быть ответственным за них», а «подлежать» — «подвергаться чему-то обязательному, принудительному»²⁸.

Противники рассмотрения уголовной ответственности как определенного рода обязанности выдвигают различные аргументы. Напри-

²⁷ *Годило Н. Н.* Теоретические проблемы уголовной ответственности и форм ее реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 6.

²⁸ *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2016. С. 703, 803.

мер, что последняя представляет собой лишь одну из сторон уголовной ответственности, но не охватывает ее в целом, или становится уголовной ответственностью только в ходе уголовно-процессуальной деятельности, или представляет собой правовой механизм реализации уголовной ответственности, или не входит в содержание уголовной ответственности, поскольку отражает исключительно меру должного поведения, а ответственность всегда предполагает наличие определенного негатива²⁹. Правда, каким образом все это вытекает из Уголовного кодекса, никем и ничем не объясняется. Разнообразие решений также не укрепляет критику уголовной ответственности как определенного рода обязанности.

Все иные подходы к уголовной ответственности противоречат уголовному законодательству. Некоторые авторы даже видят недостатки своей концепции и Уголовного кодекса, но выступают за необходимость уточнения соответствующих положений именно Кодекса. Так, согласно одной точке зрения, «учитывая, что по сути уголовная ответственность есть правоотношение, освобождение от уголовной ответственности не может иметь место до возникновения этих правоотношений, в то же время правоотношения не могут быть реализованы при освобождении. Именно поэтому и следует говорить не об освобождении от уголовной ответственности, а об освобождении от реализации уголовной ответственности»³⁰. Правда, непонятно, почему предпочтение следует отдавать одному из новаторских теоретических взглядов (коих много), полностью игнорирующих систему действующего регулирования уголовной ответственности.

3. Уголовная ответственность несется (влечется) за совершение преступления. Говоря иначе, соответствующая обязанность должна иметь возможность в чем-то получить реализацию.

В науке уголовного права реализацию обязанности видят в том, чтобы подвергнуть официальному осуждению либо претерпеть осуждение (порицание) преступного деяния, ограничение правового статуса и возложение лишений, либо претерпеть неблагоприятные последствия в случае нарушения уголовно-правовых запретов, либо подвергнуться лишениям и ограничению прав, предусмотренным Уголовным кодексом, либо подвергнуться мерам воздействия, предусмотренным уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным зако-

²⁹ Козлов А. П. Указ. соч. С. 57 ; Звечаровский И. Э. Ответственность в уголовном праве. СПб., 2009. С. 39–40 ; Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 82 ; Бриллиантов А. В. Указ. соч. С. 11.

³⁰ Моисеенко Я. В. Указ.соч. С. 12.

ном, либо подвергнуться мерам негативного воздействия, предусмотренным уголовным законом, либо подвергнуться наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия, либо подвергнуться наказанию³¹. Между тем лишь последний подход, скорее всего, укладывается в нормативные рамки.

Уголовное законодательство устанавливает принципы уголовной ответственности (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Одним из них является принцип справедливости, в соответствии с которым справедливыми должны быть наказание и иные меры уголовно-правового характера (ст. 6 УК РФ). Они и устанавливаются за совершение преступления (ч. 2 ст. 2 УК РФ) как формы несения уголовной ответственности.

В то же время наличие нескольких форм несения уголовной ответственности само по себе вовсе не означает, что с ее помощью лицо, совершившее преступление, должно подвергаться именно мерам уголовно-правового характера. За преступление прежде всего следует наказание, что подтверждают и признак запрещенности под угрозой наказания, включенный в понятие преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), и содержание статей Особенной части уголовного законодательства.

Иные меры уголовно-правового характера применяются вместе с наказанием (конфискация имущества) или вместо наказания (судебный штраф). Причем они предусматриваются за совершение далеко не всех преступлений (ст. ст. 104¹, 104⁴ УК РФ). Наказание же содержится в санкциях абсолютно всех статей Особенной части Уголовного кодекса, устанавливающих уголовную ответственность за все преступления. Отсюда существенной для понимания уголовной ответственности является обязанность подвергнуться только наказанию.

Таким образом, по закону родовым признаком понятия уголовной ответственности выступает обязанность лица, совершившего преступление. Видовые признаки характеризуют данную обязанность как:

³¹ Тагаев А. У. Принципы уголовной ответственности: понятие, содержание и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8 ; Батманов А. А. Личность виновного вне связи с преступлением как критерий дифференциации ответственности и наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 10 ; Чистяков А. А. Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. С. 15 ; Владимирова О. А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. С. 9 ; Годило Н. Н. Указ. соч. С. 6 ; Егоров В. С. Указ. соч. С. 22 ; Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 1. С. 519 ; Кулев А. Г. Преступления против внешней безопасности государства: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 16.

1) состоящую в том, чтобы подвергнуться наказанию (материальный признак) и 2) предусмотренную Уголовным кодексом (формальный признак). Приведенные признаки:

— во-первых, четко отграничивают уголовную ответственность от других видов ответственности. Ни одна из них не связана с комплексом, объединяющим Уголовный кодекс, лицо, совершившее преступление, и наказание;

— во-вторых, позволяют объяснить все предписанные уголовным законом связи уголовной ответственности. Так, существование у нее основания необходимо для выяснения, когда лицо подлежит уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Наличие у уголовной ответственности принципов отражает нормативные установления о руководящих идеях, которым подчиняется ее несение (ст. ст. 3–7 УК РФ). Решение вопроса об уголовной ответственности есть заключение о том, как должна быть реализована обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться наказанию. Привлечение к уголовной ответственности — понятие, скорее всего, уголовно-процессуальное, означающее привлечение в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ) с тем, чтобы лицо могло защищаться от возложения необоснованной обязанности подвергнуться наказанию. Определение уголовной ответственности соучастников характером и степенью их фактического участия в совершении преступления отражает зависимость реализации обязанности подвергнуться наказанию от того, в качестве кого и каким образом участвует конкретное лицо в совершении преступления. Освобождение от уголовной ответственности предполагает, что обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться наказанию может быть не реализована;

— в-третьих, полностью соответствуют предписаниям уголовного законодательства.

Таким образом, **уголовная ответственность — предусмотренная Уголовным кодексом обязанность лица, совершившего преступление, подвергнуться наказанию.** Известная тавтология в определении неизбежна, поскольку выявляется не происхождение ответственности, а она сама.

М. В. Бавсун, Е. М. Бимолданов, К. Н. Карпов

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ) В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации и Республики Казахстан соучастие в преступлении не образует особых оснований уголовной ответственности. Фактическим основанием уголовной ответственности каждого из соучастников в обеих странах является совершение ими преступления (а применительно к Уголовному кодексу Республики Казахстан (далее — УК РК) еще и совершение уголовного правонарушения¹. Наличие в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ и УК РК, выступает юридическим основанием уголовной ответственности. Следует при этом отметить, что ч. 1 ст. 34 УК РФ, так же, как и ч. 1 ст. 29 УК РК, не дают четкого ответа на главный вопрос, относящийся к данной проблематике. Речь идет о критериях распределения, о пределах ответственности, применяемых к каждому из участников совершенного преступного посягательства. Таковых сегодня не существует, что, безусловно, делает процесс индивидуализации наказания в каждом конкретном случае крайне затруднительным. Сказанное в равной степени относится к уголовному законодательству обеих стран, что следует из практически идентичных формулировок законодательных предписаний, специально созданных для правовой регламентации данного вопроса. Поэтому можно сделать вывод о сходстве проблем, характерных для правоприменителей всех уровней, осуществляющих квалификацию преступлений как в России, так и в Республике Казахстан.

Интересно, что традиционным для обеих уголовно-правовых школ является подход, согласно которому соисполнители преступного посягательства привлекаются к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК, без каких-либо ссылок на статьи Общей части УК. Одинаковой сегодня продолжает оставаться позиция относительно реализации ответственности иных соучастников — организатора,

¹ Далее по тексту статьи применительно к УК РК речь будет идти о составе как преступления, так и уголовного правонарушения с учетом идентичности их определения и отличия по иному, не влияющему на наличие или отсутствие института соучастия, критерию.

подстрекателя и пособника. Юридическая оценка их действий осуществляется в прямо противоположном порядке, требуя применения, помимо норм Особенной, также и положений Общей части Уголовного кодекса. В Российской Федерации данное правило закреплено в ч. 2 ст. 34 УК РФ (требуется ссылка на соответствующую часть ст. 33 УК РФ), в Республике Казахстан обязанность действовать именно таким образом предписывается ч. 3 ст. 29 УК РК (требуется ссылка на соответствующую часть ст. 28 УК РК)².

Отметим, что ч. 1 ст. 34 УК РФ и ч. 1 ст. 29 УК РК содержат практически идентичные формулировки, определяющие пределы дифференциации уголовной ответственности соучастников. Часть 1 ст. 34 УК РФ звучит следующим образом: «Ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления». При этом в ч. 1 ст. 29 УК РК ответственность данной категории виновных определяется «характером и степенью участия каждого из них в совершении уголовного правонарушения». Имеющиеся в представленных дефинициях отличия несущественны, что свидетельствует об идентичности сложившихся подходов к исследуемому вопросу.

По всей видимости, последнее обстоятельство обусловлено существовавшим длительное время централизованным подходом к формированию уголовного законодательства республик СССР. Решение многих проблем, включая и ту, которая поднимается в данной статье, на протяжении более чем шестидесяти лет было максимально унифицировано, что в итоге привело к формированию соответствующей уголовно-правовой традиции. Родственность взглядов на институт соучастия в целом и на дифференциацию ответственности соучастников в частности не вызывает сомнений, что, впрочем, не гарантирует такого же единства в правоприменительной практике в ходе реализации одинаковых с содержательной точки зрения положений в разных странах. Толкование одних и тех же норм права в части разрешения конкретных ситуаций на различных правоприменительных уровнях, безусловно, оставляет широкое поле для рассуждений.

Относительно общих вопросов дифференциации ответственности соучастников преступления необходимо отметить, что квалификация их действий в законодательстве обеих стран тесно связана с поведением ис-

² Котова Н. К. Уголовное право Республики Казахстан (Общая часть). Алматы, 2013. С. 105–106.

полнителя при совершении преступления³. Деятельность организатора, подстрекателя и пособника оценивается по тем же статьям УК РФ и УК РК, что и исполнителя. Если в силу различных причин действия исполнителя не содержат состава оконченного преступления, то это обстоятельство находит отражение и в оценке действий других соучастников, когда наряду со ст. 33 УК РФ или ст. 28 УК РК дополнительно применяется ст. 30 УК РФ или ст. 24 УК РК соответственно. Так, если грабеж не был доведен до конца, то действия исполнителя квалифицируются по ст. ст. 30, 161 УК РФ и ст. ст. 24, 191 УК РК, а поведение организатора, подстрекателя или пособника оценивается по признакам ст. ст. 30, 33, 161 УК РФ и ст. ст. 24, 28, 191 УК РК.

Представленный подход есть выражение идеи акцессорности, типичной для законодательства обеих стран. Более того, сходство законодательства в данной части проявляется не только в принципиальности используемого подхода, но и в отдельных деталях, в частности, в особенностях реализации начал акцессорности. Применение данной теории в УК обеих стран носит ограниченный характер, и речь в основном необходимо вести о так называемой ограниченной (относительной) акцессорности. Сформулированный тезис вытекает из содержания ч. 1 ст. 34 УК РФ и ч. 1 ст. 29 УК РК, определяющих пределы ответственности соучастников через призму характера и степени их фактического участия в совершении преступления. Таким образом, с одной стороны, ответственность организатора, подстрекателя и пособника зависит от действий исполнителя, что как раз и представляет собой проявление начала акцессорности, с другой стороны, в ходе индивидуализации наказания к обязательным условиям реализации данного принципа относится учет действий каждого из соучастников. Следовательно, пределы ответственности находятся в прямой зависимости как от поведения исполнителя, так и от действий конкретного соучастника, степени их активности (пассивности), инициативы, проявленной в ходе совершения преступления или до момента его начала, постпреступного поведения, юридического статуса личности и т. д.⁴ Интересный тезис по этому поводу высказал Ю. Е. Пудовочкин, отметив, что «общий умысел и план дают возможность признать: в той мере, в какой деяния исполнителя могут быть вменены соучастникам, в той же мере деяния соучастников могут быть вменены исполните-

³ См. об этом более подробно : *Уголовное право Республики Казахстан (Общая часть)* / под ред. И. И. Рогова, С. М. Рахметова. Алматы, 2005. С. 141–142.

⁴ На акцессорную природу соучастия казахского законодательства указывает И. Ш. Борчашвили. См.: *Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан* / под ред. И. Ш. Борчашвили. Алматы, 2007. С. 85.

лю преступления. А потому обвинение лица в исполнении преступления вполне объемлет собой обвинение в организаторстве, пособничестве и подстрекательстве»⁵.

Важно отметить, что ограниченный характер акцессорности в законодательстве обеих стран не случаен, он получил соответствующее теоретическое обоснование еще в конце XIX — начале XX вв., а затем и в советский период. На необходимость сбалансированного подхода к решению данного вопроса обращали внимание такие специалисты в области уголовного права, как Н. Д. Сергеевский⁶, С. В. Познышев⁷. И. Я. Фойницкий отмечал при этом, что не может быть и речи об ответственности за участие в чужой вине, «вина каждого самостоятельна и отдельна как при единичной, так и при совместной деятельности»⁸. Несколько позднее А. Н. Трайнин совершенно справедливо утверждал, что деятельность исполнителя, хотя и имеет важное уголовно-правовое значение, тем не менее является не единственной, а часто даже и не основной частью совместной преступной деятельности всех соучастников. Каждый из соучастников вносит в преступление свой вклад и несет ответственность за свои действия, а не за действия исполнителя преступления⁹. Сторонниками смешанной теории являлись многие специалисты в области уголовного права, однако одной из наиболее значимых работ, посвященных данной проблематике, следует признать фундаментальный труд М. И. Ковалева, датируемый началом 60-х гг. двадцатого столетия. Несмотря на существующую на тот момент критику акцессорной теории и признание ее основной идеи реакционной¹⁰, М. И. Ковалев, по сути, доказал, что советское законодательство в той или иной мере уже стоит на позициях акцессорности, а ее ограниченное применение неизбежно и не наносит при этом никакого идеологического урона сформировавшейся системе. Автор отмечал, что «основой общей ответственности соучастников является единство действий всех участвующих в преступлении лиц. Стержень этого единства — исполнитель.

⁵ Пудовочкин Ю. Е. Особенности объективной стороны преступления, совершенного в соучастии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2. С. 3–12.

⁶ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Пг., 1915. С. 316–317.

⁷ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 394.

⁸ Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. Год двадцать третий (третьего десятилетия). Т. VII. Книга первая. № 1. Январь. С. 3–28.

⁹ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 288, 295.

¹⁰ Герцензон А. А. Уголовное право. Общая часть. М., 1948. С. 368.

И если его нет, то соучастие рассыплется как карточный домик»¹¹. Впрочем, данный подход в советское время уже не претендовал на исключительность, он лишь подтверждал то, что ранее уже нашло соответствующее теоретическое обоснование. Н. С. Таганцев задолго до этого отмечал, что «деятельность исполнителя со всеми условиями и обстоятельствами, к ней относящимися, определяет ответственность всех соучастников; если же к этой деятельности привходят какие-либо новые элементы, видоизменяющие ответственность и не входящие в соглашение, то вопрос о влиянии этих условий на наказуемость прочих участников определяется по вышеуказанным началам относительно эксцессов исполнителей»¹². В представленном высказывании как нельзя лучше отображена идея умеренной (ограниченной) акцессорности, оценка которой как единственно верной нашла свое теоретическое обоснование еще в дореволюционный период.

Таким образом, смешанный или ограниченный характер начала акцессорности нашел подтверждение не только на законодательном, но и на доктринальном уровнях, что и предопределяет нынешнее состояние данного вопроса как в российском, так и в казахстанском законодательстве. Аналогичным образом сегодня решается проблема ответственности соучастников и в других странах СНГ. Такой же подход, например, реализован в УК Республики Беларусь, о чем свидетельствует содержание чч. 8, 9 ст. 16 УК РБ, также определяющих пределы ответственности организатора, подстрекателя и пособника в зависимости от степени завершенности действия исполнителя. Единство демонстрируемой позиции в этом случае нельзя объяснить лишь одним источником происхождения уголовных законодательств стран СНГ. Немалую роль здесь сыграл и доктринальный аспект, а содержащиеся в теории уголовного права базовые положения относительно теории соучастия оказали решающее влияние на формирование сознания законодателя, определяя и его выбор.

Данный тезис в равной степени распространяется как на сформировавшийся подход к определению ответственности соучастников в зависимости от действий исполнителя, так и на решение проблемы индивидуализации юридической оценки их поведения в зависимости от фактически совершенных действий и личных качеств. В соответствии с уже устоявшейся позицией (как в России, так и в Республике Казахстан) соучастники одного и того же преступления несут ответственность не только по разным частям статьи Особенной части УК, но и по разным статьям. Например, участ-

¹¹ Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1961. Ч. 2. С. 144–145.

¹² Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Общая часть. Т. 1. СПб., 1902. С. 790.

ник банды, не достигший шестнадцати лет, несет ответственность только за конкретные преступления, в которых он участвовал, если ответственность за их совершение установлена с четырнадцатилетнего возраста. Другие участники банды привлекаются к уголовной ответственности за бандитизм в целом и за все преступления, совершенные в составе банды¹³.

При этомотягчающие обстоятельства, относящиеся к совершенному исполнителем преступлению, не вменяются другим соучастникам, если они не охватывались их умыслом. Например, пособник не осознавал, что исполнитель, которому он оказывал помощь в совершении кражи, планирует хищение в особо крупном размере. В этом случае действия исполнителя должны квалифицироваться по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ и п. 3 ч. 4 ст. 188 УК РК (по признаку совершения кражи в особо крупном размере), а действия пособника — по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 158 УК РФ и ч. 5 ст. 28, ч. 1 ст. 188 УК РК¹⁴.

В тех случаях, когда исполнителем преступления является специальный субъект (должностное лицо, военнослужащий и др.), действия соучастников, не обладающих признаками специального субъекта (частных лиц), подпадают под действие той же статьи, что и действия исполнителя, со ссылкой на ст. 33 УК РФ и ст. 28 УК РК. Лица, не обладающие при-

¹³ О судебной практике по делам о бандитизме : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1. (п. 14). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2010 г. № 12 (п. 22). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие преступления, совершенные в соучастии : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 2 (с изменением, внесенным нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2008 г. № 15) (п. 16) // Нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан. Астана, 2009. С. 433.

¹⁴ Следует отметить, что на уровне нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан применительно к данному тезису выделяются исключения. Так, в п. 4 постановления Верховного Суда Республики Казахстан № 2 от 21 июня 2001 г. (с изменением, внесенным нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2008 г. № 15) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие преступления, совершенные в соучастии» отмечается, что «квалифицирующие признаки преступления, относящиеся к личности исполнителя, могут быть вменены другим соучастникам (организатору, подстрекателю и пособнику), если они были осведомлены о том, что исполнитель обладает указанными квалифицирующими признаками, и они своими действиями способствовали совершению преступлений именно этим исполнителем» (Нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан. Астана, 2009. С. 425).

знаками специального субъекта, не могут нести ответственность как соисполнители преступления. Например, при получении взятки по предварительному сговору группой лиц или организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 290 УК РФ, п. 2 ч. 3 ст. 366 УК РК) все участники обязательно должны быть должностными лицами¹⁵.

Приведенный выше пример в полной мере соответствует общему правилу, которое в равной степени распространяется как на УК РФ, так и на УК РК. Согласно законодательству обеих стран в преступлениях со *специальным исполнителем (специальным субъектом)* субъект, не обладающий требуемым признаком, признается организатором, подстрекателем или пособником (ч. 4 ст. 34 УК РФ, ч. 5 ст. 29 УК РК)¹⁶. Следует отметить, что, несмотря на нормативную урегулированность данного вопроса и внешнюю простоту его решения, практическая сторона юридической оценки соучастия со специальным субъектом выглядит не столь однозначно, а часто и максимально проблематично.

Необходимо отметить, что в законодательстве обеих стран определенную специфику имеет *ответственность организатора*, создавшего организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившего ими. Уголовными законами обеих стран предусмотрена ответственность за сам факт создания организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) (ч. 1 ст. 205⁴, чч. 1 ст. ст. 208–210, ч. 1 ст. 282¹ УК РФ; ст. ст. 262–265, 267–268 УК РК). Для привлечения к ответственности лиц, создавших такие группы, ссылка на ст. 33 УК РФ или ст. 28 УК РК не требуется. Организатор отвечает за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией, а также всеми видами групп, содержащимися в УК РК) преступления, если они охватывались его умыслом. Данное правило нашло соответствующее нормативное подтверждение в УК РФ и в УК РК. Согласно ч. 5 ст. 35 УК РФ, а также ч. 4 ст. 31 УК РК лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных указанными выше статьями, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации, иных видов организованных групп) несут

¹⁵ См., напр.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. проф. В. В. Векленко. М., 2017. С. 202.

¹⁶ Бавсун М. В., Баландюк В. Н., Вишнякова Н. В., Николаев К. Д. Конспект лекций по уголовному праву России. Общая часть. М., 2017. С. 73.

уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных соответствующими статьями особенных частей российского и казахстанского законодательств, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

Таким образом, сходство обоих законодательств в этой части максимально, имеющиеся отличия незначительны. Так, в части 6 ст. 35 УК РФ отмечается, что «создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она была создана». Разъяснение аналогичного плана в Уголовном кодексе Республики Казахстан сегодня не существует, однако подход, сформировавшийся на практике, указывает на его фактическое соответствие тому, что закреплено в российском законодательстве. Считаем, в данном случае нельзя вести речь об отсутствии должного регулирования обозначенного аспекта соучастия. Скорее, необходимо говорить о естественности решения рассматриваемого вопроса именно таким образом и, быть может, об излишней скрупулезности российского законодателя в своем стремлении максимально регламентировать даже то, что в целом воспринимается в качестве аксиомы.

В то же время *другие участники организованной группы или преступного сообщества* (преступной организации, а также иных видов преступных групп применительно к УК РК) несут ответственность по соответствующим статьям Особенной части УК РФ и УК РК, предусматривающим ответственность за данные виды соучастия, а также преступления, в подготовке или совершении которых они принимали участие, без ссылки на ч. 4 или ч. 5 ст. 33 УК РФ, а также ч. 4 или ч. 5 ст. 28 УК РК. Единство умысла всех соучастников, степень их субъективной взаимосвязи предполагают лишь техническое распределение ролей в рамках любого вида организованной группы или преступного сообщества, что представляется вполне обоснованным с позиции необходимости усиления ответственности (и упрощения процесса ее реализации) в отношении лиц, действующих в составе таких групп.

Не менее единодушны законодатели обеих стран в уголовно-правовой оценке такого явления, как эксцесс. Действия исполнителя и других соучастников в случаях так называемого *эксцесса исполнителя* (ст. 36 УК РФ, ст. 31 УК РК) оцениваются разным образом, поскольку совершенные исполнителем преступные действия выходят за рамки первоначального умысла других участников преступления. При эксцессе исполнителя последний несет ответственность за фактически совершенные им преступные деяния, а другие соучастники — лишь за соучастие в тех

преступных действиях, которые охватывались их умыслом. Так, если исполнитель имел намерение совершить угон транспортного средства, а пособник предоставил ему для этого необходимые средства, но в процессе совершения преступления исполнитель совершил убийство потерпевшего, то пособник не может нести ответственность за убийство, а отвечает только за соучастие в угоне.

Эксцесс исполнителя может иметь место не только в соучастии с выполнением различных ролей, но и при соисполнительстве. В случае выхода за рамки общего умысла одного из исполнителей другие несут уголовную ответственность за участие в заранее планировавшемся преступлении, если при этом они не присоединились к действиям такого исполнителя. Если соисполнители присоединились к действиям, выходящим за рамки первоначального замысла, то все они подлежат ответственности за фактически совершенное преступление. Например, если при совершении разбоя один из соучастников решил убить потерпевшего, а другие содействовали ему применением насилия (либо не препятствовали ему, продолжая при этом выполнять ранее запланированные действия), то все они подлежат уголовной ответственности по совокупности преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной группой¹⁷. В свою очередь, если действия других соучастников свидетельствуют об обратном (например, соисполнитель убежал, попытался предотвратить причинение смерти и т. д.), то в этой ситуации речь должна идти о наличии признаков такого явления, как эксцесс.

В современной уголовно-правовой доктрине различаются качественный и количественный эксцесс исполнителя. В тех случаях, когда в результате выхода за рамки заранее обдуманного умысла исполнитель совершает преступление, отличное по характеру от предполагавшегося, имеет место *качественный эксцесс* исполнителя. Когда результатом действия исполнителя становится совершение однородного, но более или менее опасного преступления, следует говорить о *количественном эксцессе*¹⁸. Например, виновные намеревались совершить побию, а фактически был причинен вред здоровью средней тяжести. При этом необходимо иметь в виду, что эксцесс исполнителя приобретает правовое значение только в тех случаях, когда выход за рамки общего умысла исполнителем затрагивает существенные обстоятельства деяния, способные повлиять

¹⁷ Уголовное право. (Особенная часть) / под ред. Ю. В. Голика. Тамбов, 2017. С. 17–18.

¹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. проф. В. В. Векленко. Омск, 2016. С. 223.

на квалификацию. Так, не образуют эксцесса действия исполнителя, избравшего отличный от заранее запланированного соучастниками способ проникновения в хранилище при хищении, использовавшего иные орудия или средства (за исключением прямо упомянутых в уголовном законе) совершения преступления и т. д.

Не меньшее единство законодателями обеих стран демонстрируется и применительно к такому аспекту соучастия, как *добровольный отказ организатора и подстрекателя от преступления*. В соответствии со ст. 31 УК РФ, а также чч. 3, 4 ст. 26 УК РК уголовная ответственность не следует, если указанные лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления до конца. В то же время, если преступление все-таки было совершено, то наказание организатора и подстрекателя может быть лишь снижено.

Соисполнитель освобождается от уголовной ответственности, если он добровольно и окончательно отказался от доведения преступления до конца и при этом имел возможность реально осуществить намеченное. При этом пособник не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления, даже если преступление исполнителем было доведено до конца (ч. 5 ст. 31 УК РФ, ч. 3 ст. 26 УК РК). Разница в подходе к объему репрессии, которая сегодня существует применительно к организатору, подстрекателю, с одной стороны, и пособнику — с другой, обусловлена более пассивным поведением последнего в процессе приготовления к преступлению. Отсюда и принципиальные отличия в реализации ответственности. Если организатору или подстрекателю не удалось предотвратить предпринятыми мерами совершение преступления, то он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях, а суд вправе учесть его активное поведение, направленное на предотвращение преступления, в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Четких критериев, которые определяли бы пределы снижения наказания, на сегодняшний день не содержит ни российское, ни казахстанское уголовное законодательство, оставляя решение этого вопроса на усмотрение судов (ст. 67 УК РФ, ст. 57 УК РК).

Действия организатора, подстрекателя и пособника в силу разных причин могут не привести к совершению исполнителем преступления или оказаться недостаточными для доведения его до конца. Исходя из существующих в УК РФ и УК РК видов соучастников, в практической деятельности могут иметь место неудавшиеся организационные действия, неудавшиеся подстрекательство или пособничество. Причинами несовершения (недоведения до конца) исполнителем общественно опасного деяния могут быть

добровольный отказ, болезнь, смерть, вмешательство третьих лиц и другие объективные и субъективные обстоятельства, составившие непреодолимое препятствие для виновного. Такое поведение организатора, подстрекателя и пособника не образует соучастия, поскольку отсутствует двусторонняя субъективная связь между ними и исполнителем. Это так называемое *неудавшееся* соучастие влечет наступление уголовной ответственности за приготовление или покушение на преступление, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части, со ссылкой на соответствующие части ст. 30 УК РФ, ст. 24 УК РК. Именно в данном аспекте находит свое максимальное проявление идея аксессуарности, а роль исполнителя оказывается определяющей в ходе реализации уголовной ответственности.

Основные характеристики *добровольного отказа при соучастии в законодательстве обеих стран*:

- добровольный отказ одного из соучастников не освобождает от уголовной ответственности других соучастников;

- по времени добровольный отказ соучастника возможен только до окончания преступления исполнителем;

- добровольный отказ организатора и подстрекателя должен выражаться в активных действиях. Требуется, чтобы они предотвратили доведение преступления исполнителем до конца;

- для добровольного отказа пособника обязательно, чтобы он предпринял все зависящие от него меры для предотвращения совершения преступления исполнителем.

Подводя итог, необходимо отметить единство подходов, демонстрируемых законодателями обеих стран в части правовой регламентации вопросов соучастия в преступлении. Это обусловлено доктринальными основами, разработка которых носит общий характер и лишена национальных, территориальных или политических особенностей. Теория уголовного права применительно к институту соучастия выполняет роль фундамента, определяющего базовые критерии ответственности соучастников преступления, что делает законодательство обеих стран в этой части не только единым, но и стабильным, не подверженным сиюминутным изменениям. Во многом этому способствовали и исторические особенности развития рассматриваемого института, что в равной степени касается не только особенностей эволюции непосредственно уголовно-правовых норм в уголовных кодексах РФ и РК, но и доктрины уголовного права, единство которой в данном вопросе сегодня практически ни у кого не вызывает каких-либо сомнений. Сформировавшиеся при этом базовые теоретические положения оказывают соответствующее влияние на законодательные решения в исследуемой сфере.

А. А. Нечепуренко

ОБ УТОЧНЕНИИ ПОНЯТИЯ «СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ»

Важность уяснения законодательного смысла понятия «совершение преступления впервые» трудно переоценить. Констатация наличия у лица, привлекаемого к уголовной ответственности, такого признака, как «совершение впервые преступления определенной категории (категорий) либо преступления, предусмотренного определенной статьей (статьями) настоящего Кодекса», во многих случаях влечет для него наступление благоприятных правовых последствий, связанных с ослаблением уголовно-правового принуждения вплоть до отказа государства от осуждения такого лица. В Общей части УК РФ данное понятие в различных вариантах употребляется в девяти статьях (ч. 1 ст. 53¹, ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, чч. 1 ст. ст. 75, 76, чч. 1, 2 ст. ст. 76¹, 76², 80¹, ч. 6 ст. 88), а в Особенной части УК РФ — в примечаниях к двенадцати статьям, которые распространяют действие на следующие тринадцать статей (ст. ст. 127¹, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 205⁵, 208, 282¹, 282², 282³, 337, 338).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно обращался к толкованию понятия «совершение преступления впервые». Так, в п. 20 своего постановления «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» Верховный Суд применительно к ч. 6 ст. 88 УК РФ указал, что впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо предыдущий приговор в отношении него не вступил в законную силу¹. Позднее по тому же поводу в п. 26 своего постановления «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. Верховный Суд расширил данное понятие, отнеся к впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести также лицо, судимости которого за ранее совершенные преступления сняты и погашены в установленном законом порядке². В последующем в связи с возникающими вопросами в практике применения института освобождения от уголовной ответственности Верховный Суд дал еще более пространное разъяснение о том, какое лицо следует считать впервые совершившим преступление. В перечень попали уже не три,

¹ *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2007. № 4.

² *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2011. № 4.

а пять категорий лиц, которые фактически ранее совершили преступление, но этот факт в силу различных обстоятельств отнесен к юридически ничтожным. В частности, предлагалось считать впервые совершившим преступление лицо:

- совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено;

- предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу;

- предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения обвинительного приговора, снятие или погашение судимости);

- предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено;

- которое ранее освобождалось от уголовной ответственности³.

Столь широкая трактовка указанного понимания обоснованно вызывает недоумение прежде всего правоприменителей. Особенно неприемлемой и даже абсурдной представляется им ситуация, когда становится возможным многократное освобождение одних и тех же лиц от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, несмотря на указание законодателя, что такое освобождение допустимо только для лиц, совершивших преступление в первый раз⁴. Так, старший прокурор уголовно-судебного отдела прокуратуры Архангельской области приводит пример семикратного освобождения гражданина К. от уголовной ответственности по основаниям ст. ст. 75 и 76 УК РФ. Несмотря на доводы, изложенные в апелляционном представлении, правомерность последнего судебного решения суда первой инстанции была подтверждена Архангельским областным судом. Предлагая внести изменения в уголовный закон или в указанное постановление Пленума Верховного Суда в целях не-

³ *О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности* : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Рос. газета. 2013. 5 июля.

⁴ *Корниенко В. Т.* Понятие лица, впервые совершившего преступление // *Российская юстиция*. 2007. С. 51–53 ; *Николаев П., Уразбаев Р.* Закон допускает совершение некоторых преступных деяний многократно и безнаказанно // *Законность*. 2016. № 8. С. 34–36.

допущения подобных ситуаций, вышеназванный прокурор отмечает, что «ныне существующий подход неизбежно породит целую когорту ни разу не судимых „рецидивистов“, каждый раз впервые совершающих очередное преступление»⁵.

Попробуем разобраться в весьма важном вопросе о том, может ли факт погашения и снятия судимости, освобождения от наказания, а также освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, включая освобождение в связи с истечением сроков давности, означать, что преступление, в связи с совершением которого лицо подвергалось уголовно-правовому воздействию, с этого момента следует считать несовершившимся. Именно такой позиции придерживается Верховный Суд Российской Федерации, давая нижестоящим судам и органам, проводящим досудебное расследование, приведенные выше разъяснения.

По поводу данной проблемы в научной среде на протяжении ряда лет ведется достаточно оживленная дискуссия, в ходе которой высказываются как бескомпромиссные полярные решения перейти к фактическому толкованию данного понятия⁶ или ограничиться его юридическим значением, выявленным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г.⁷ Высказываются и компромиссные предложения о корректировке позиции Верховного Суда в части, касающейся совокупности преступлений⁸, истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности⁹, указания на лиц, вообще не совершавших

⁵ Стадниченко О. Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие «лицо, впервые совершившее преступление» // Законность. 2016. № 8. С. 38.

⁶ Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. С. 87–90; Кострова М. Б. Термин «лицо, впервые совершившее преступление» в контексте взаимосвязи уголовного и иных отраслей российского права // Lex russica. 2015. № 8. С. 70–82; и др.

⁷ См., напр.: Пархоменко Д. А. Об определении понятия лица, впервые совершившего преступление, основанного на уголовном законе // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1. С. 90–94.

⁸ См., напр.: Шнитенков А. В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 21–22.

⁹ Кузнецова Н. В. Процессуальные проблемы применения уголовного закона о множественности преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2001. С. 8–9; Пустовая И. Н. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования с освобождением лица от уголовной ответственности (ст. 6–9 УПК РСФСР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 10; Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения. М., 2004. С. 55–57; и др.

преступных деяний¹⁰, и др. Столь разнообразная палитра мнений по обозначенной проблеме позволяет не повторять уже прозвучавшие аргументы «за» и «против» позиции Верховного Суда Российской Федерации, а сосредоточиться на аргументации собственного видения выхода из сложившейся спорной правоприменительной ситуации.

Очевидно, что в данной дискуссии часто допускается подмена понятий «совершение преступления» и «уголовно-правовые последствия совершения преступления». Действительно, законодатель предусматривает аннулирование факта привлечения к уголовной ответственности по истечении установленных в УК РФ сроков и после этого лицо считается ранее несудимым или не привлекавшимся к уголовной ответственности. Но это не означает, что вместе с уголовно-правовыми последствиями преступления должен аннулировать факт самого события преступления. Речь идет всего лишь о том, что за названное преступление повторно привлекаться к уголовной ответственности лицо не может.

Признание лица, фактически ранее совершившего преступление, юридически его не совершавшим равнозначно отказу государства от признания его виновным в том деянии, за которое оно привлекалось к уголовной ответственности. Уточним, что означает признание лица виновным в совершении какого-либо преступления. Следует согласиться с А. А. Тер-Акоповым, который основной смысл вины видит в «указании на авторство» конкретного человека в совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и наступивших последствий. По его мнению, признать лицо виновным — значит вменить ему содеянное, признать, что это именно он, а не кто-либо другой причинил вред¹¹. Такой подход позволяет понять, что констатация виновности лица в совершении преступления является не осуждением, а его юридическим основанием, необходимым связующим звеном между формой и содержанием осуждения. Поскольку осуждение является сущностью уголовной ответственности, вполне обоснованными представляются суждения о том, что в вине воплощена целостная характеристика преступления, и потому она выступает обязательным (необходимым и достаточным) основанием уголовной ответственности¹². Играя роль основания уголовной ответственности, вина оказывает существенное воздействие как на форму, так и на содержание осуждения.

¹⁰ *Звечаровский И. Э.* О чем не сказал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 // *Российский следователь.* 2014. № 7. С. 36.

¹¹ *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 88.

¹² *Никулин С. И.* Нравственные начала уголовного права. М., 1992. С. 30.

Важно также отметить, что вывод о виновности лица фактически может быть облечен не только в форму обвинительного приговора. Так, на стадиях судопроизводства, предшествующих вынесению приговора (досудебное и судебное следствие), законодатель требует принять мотивированное, со ссылками на имеющиеся доказательства решение о виновности от следователя (дознателя) в форме обвинительного заключения (обвинительного акта) (ст. ст. 220, 225 УПК РФ) и обвинительного вердикта от присяжных заседателей в форме вопросного листа (ст. ст. 339, 343 УПК РФ). Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст. ст. 75, 76, 76¹, 76², 78, 84, 90 УК РФ) также допускается только в том случае, если доказан факт совершения преступления освобождаемым и он не возражает против прекращения в отношении него уголовного преследования по данным основаниям (ч. 2 ст. 27 УПК РФ), т. е. фактически признает свою вину в совершенном преступлении. В этом случае данный факт закрепляется в таком процессуальном документе, как постановление о прекращении уголовного дела (ст. ст. 213, 226, 239, 427, 431 УПК РФ).

Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что для того, чтобы выступить в качестве основания осуждения, виновность должна быть не только доказана, но и установлена именно в той форме, в которой это предусмотрено ст. 49 Конституции РФ, т. е. по приговору суда, вступившему в законную силу. Столь тесная связь признания виновности лица в совершении преступления с содержанием осуждения обусловлена тем, что в обоих случаях имманентно присутствует негативная государственная оценка преступника. В то же время, сколь бы важным ни был упрек, выражаемый преступнику посредством признания его виновным, это не означает, что такую отрицательную государственную оценку преступника следует отождествлять с осуждением.

Данную коллизию можно разрешить только путем ликвидации института освобождения от уголовной ответственности, неконституционность которого уже однажды устанавливалась Комитетом конституционного надзора СССР¹³, но не была подтверждена в последующем Консти-

¹³ О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека : заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1990. № 39, ст. 775.

туционным Судом Российской Федерации¹⁴. В связи с этим в правоприменительной практике сохраняется абсурдная ситуация, когда, с одной стороны, во внесудебном порядке на основании постановления о прекращении уголовного преследования лицо признается виновным в совершении преступления, а с другой — в указанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации проводится мысль, что только приговор, вступивший в законную силу, и никакой другой процессуальный акт может свидетельствовать о том, что ранее это лицо уже совершало преступление.

Поскольку большинство обстоятельств, позволяющих, по мнению Верховного Суда, считать лицо совершившим преступление впервые, так или иначе связаны с фактом отсутствия у лица судимости, на чем обоснованно делается акцент в юридической литературе, остановимся на анализе содержания данного понятия несколько подробнее.

Действительно, осуждение, как правило, связано с возникновением у осужденного состояния судимости, которое традиционно рассматривается как правовое явление, производное от наказания. Если указанная позиция еще каким-то образом была выводима из двоякого законодательного подхода к институту судимости по Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., то в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. можно обнаружить хотя и достаточно противоречивый, но уже концептуально иной подход к роли судимости в системе уголовно-правового принуждения. Впервые в уголовном законодательстве России появилось нормативное закрепление временных границ судимости. Согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ лицо считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу и до момента погашения или снятия судимости. В этих пределах особое правовое состояние судимости существует независимо от того, применяются ли какие-либо еще правоограничения уголовной ответственности. Действительно, осужденный считается судимым до приведения в исполнение обвинительного приговора в течение сроков давности (ч. 1 ст. 83 УК РФ), в период уклонения от отбывания наказания (ч. 2 ст. 83 УК РФ), в течение сроков давности при освобождении от наказания по болезни (ч. 4 ст. 81 УК РФ), в период отбывания наказания или прохождения испытания в форме условного осуждения, а также в установленное законом время после отбытия наказания (чч. 3, 4 ст. 86 УК РФ), в период прохождения испытания в форме условно-досрочного

¹⁴ По делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 октября 1996 г. № 18-П // Рос. газета. 1996. 6 нояб.

освобождения (ч. 7 ст. 79 УК РФ) и отсрочки отбывания наказания (чч. 1 ст. ст. 82, 82¹ УК РФ). Этот новый, более высокий статус судимости был отмечен наукой уголовного права практически сразу после вступления в силу Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, автор научного комментария к ст. 86 УК РФ В. Д. Филимонов подчеркнул, что правило ч. 2 указанной статьи («Лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым») требует ограничительного толкования и, по смыслу ст. ст. 79–83 УК РФ, осужденные в течение определенных сроков после освобождения от наказания в большинстве случаев признаются имеющими судимость¹⁵.

Более четкая позиция законодателя по отношению к институту судимости, вероятно, способствовала тому, что в последнее время наметилось принципиально иное осмысление соотношения наказания и судимости. Например, А. Ф. Мицкевич, проведя достаточно детальный анализ уникальных свойств судимости, пришел к следующему заключению: «...судимость не является качественной характеристикой уголовного наказания. Она есть самостоятельное явление, имеющее тесную связь с уголовной ответственностью и наказанием, однако правовая природа ее значительно отличается от природы уголовного наказания»¹⁶. Такой посыл об особом статусе судимости важен, но недостаточен для объяснения характера ее связи с уголовной ответственностью. Для этого представляется своевременным сделать еще один шаг в понимании судимости и воспринимать ее в качестве содержательного компонента государственного осуждения. Причем речь должна идти о том, что правоограничения судимости являются не дополнительным, а базовым комплексом правоограничений уголовной ответственности. Однако сколь ни высок статус судимости, из сказанного, однако, не следует, что аннулирование этого правового последствия такого юридически установленного факта, как совершение преступления, делает данный факт несостоявшимся.

Дело в том, что факт совершения преступления конкретным лицом, процессуально надлежащим образом установленный, независимо от наличия или отсутствия судимости влечет для такого лица и иные неблагоприятные бессрочные правовые последствия, которые указаны в законодательных актах других отраслей права¹⁷. Так, именно факт совершенного преступления порождает такое неблагоприятное правовое последствие,

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / под науч. ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М., 1997. С. 162–163.

¹⁶ Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб., 2005. С. 25.

¹⁷ См., подробнее: Кострова М. Б. Указ. соч. С. 79–81.

как невозможность поступления на службу в ряд правоохранительных органов. В соответствующих федеральных законах указывается, что не принимаются на службу как лица, имеющие или имевшие судимость, так и те, в отношении которых осуществляется уголовное преследование либо уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям. Иными словами, при поступлении на правоохранительную службу прежде всего учитывается то, что кандидат совершил когда-либо преступление, а не то, как государство на это отреагировало¹⁸. Примечательно, что в п. 3 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» в соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации¹⁹ сделана оговорка о том, что сотрудник ОВД не подлежит увольнению, если на момент рассмотрения данного вопроса уголовным законом устранена преступность деяния, ранее им совершенного²⁰. Здесь как раз указано на то единственное из перечисленных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 оснований, которое действительно можно считать обоснованным для признания лица впервые совершившим преступление.

Итак, учитывая, что виновность лица, совершившего преступление, должна быть юридически установлена в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, а иначе оно не может считаться совершившим преступление, на основе анализа буквы закона Пленуму Верховного Суда Российской Федерации необходимо кардинальным образом пересмотреть свою позицию по данному вопросу и дать разъяснение нижестоящим судам примерно такого содержания:

¹⁸ См., напр.: *О следственном комитете Российской Федерации* : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Рос. газета. 2010. 30 дек. ; *О Федеральной службе безопасности* : федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Там же. 1995. 12 апр. ; *О службе в органах внутренних дел Российской Федерации* : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Там же. 2011. 30 нояб.

¹⁹ *По делу о проверке конституционности пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Д. А. Васина и И. С. Кравченко* : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2014 г. № 29-П // Рос. газета. 2014. 21 нояб.

²⁰ *О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части уточнения ограничений, обязанностей и запретов, связанных со службой в органах внутренних дел Российской Федерации и оснований прекращения или расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации* : федеральный закон от 12 февраля 2015 г. № 16-ФЗ // Рос. газета. 2015. 16 февр.

«Впервые совершившим преступление (указанной категории и более тяжкое преступление или преступление, предусмотренное определенными статьями Особенной части УК РФ) следует считать лицо, в отношении которого:

— уголовное преследование никогда не осуществлялось;
— уголовное преследование осуществлялось, но было прекращено в связи с его непричастностью к совершению преступления, отсутствием события преступления либо отсутствием в деянии состава преступления, в том числе в связи с устранением преступности деяния в период уголовного преследования;

— уголовное преследование закончилось привлечением к уголовной ответственности или освобождением от нее по нереабилитирующим основаниям, но на данный момент устранена преступность деяния, в совершении которого лицо было признано виновным».

А. Г. Безверхов

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ: ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Преступления против здоровья входят в группу преступных посягательств, уголовная ответственность за которые предусмотрена нормативными положениями, содержащимися в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против личности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Размещенные вместе с посягательствами на жизнь человека в одной структурной части уголовного закона преступления против здоровья тесно взаимосвязаны с ними как с социально-правовой, так и с юридико-технической стороны.

Глава 16 УК РФ (по состоянию на 15 апреля 2018 г.) включает двадцать четыре статьи (ст. ст. 105–125). С классификационной точки зрения преступления против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ) подразделяются на следующие группы: 1) преступления против жизни (ст. ст. 105–110); 2) преступления против здоровья (ст. ст. 111–115, 118, 121 и 124, а также чч. 2–4 ст. 122); 3) преступления, ставящие в опасность жизнь и (или) здоровье другого человека (ст. ст. 110¹, 110², 116, 116¹, 117, 119, 120, ч. 1 ст. 122, а также ст. ст. 123 и 125). Приведенная классификация (триада) является господствующей в отечественной теории уголовного права, хотя и небесспорной с позиции формальной логики, требующей единых критериев деления. Кроме того, заметим, что в специальной литературе по-разному решается вопрос о размещении от-

дельных составов преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ, в двух последних группах деления (преступления против здоровья; преступления, ставящие в опасность жизнь и (или) здоровье другого человека)¹.

Здоровье человека — одно из важнейших правоохраняемых объектов. Государство гарантирует охрану здоровья: согласно ч. 1 ст. 41 Конституции РФ каждый человек имеет право на охрану здоровья. Она обеспечивается комплексом правовых средств различной отраслевой принадлежности.

Немаловажную роль в охране здоровья играет уголовное право. Уголовный закон содержит ряд норм, предусматривающих ответственность за преступные посягательства на здоровье другого человека. При этом здоровье другого человека является как основным, так и дополнительным (обязательным или факультативным) объектом преступлений.

Здоровье человека выступает в качестве *основного* объекта преступлений, ответственность за которые предусмотрена нормами главы 16 УК РФ.

Вместе с тем здоровье человека является дополнительным объектом ряда преступлений, описанных в других главах УК РФ. Например, здоровье человека является дополнительным объектом насильственного грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161), разбоя (ст. 162), вымогательства (ст. 163) как

¹ Так, дискутируя с теми учеными-юристами, которые считают, что побои и истязания не могут рассматриваться как преступления против здоровья, ибо направлены не на нарушение анатомической целостности и физиологических функций органов и тканей, а на причинение потерпевшему физической боли, Г. Н. Борзенков писал следующее. «Для такого взгляда нет оснований. Во-первых, с точки зрения медицины, физическая боль — это не только сигнал о неблагополучии в организме. Боль сама по себе несет вред здоровью, будучи специфической реакцией живого организма на повреждающее воздействие. Многие проявления этой реакции могут быть зафиксированы объективно: сужение сосудов, повышение кровяного давления, свертываемости крови, содержания в ней сахара и др. Во-вторых, побои и истязания — это способ действия, последствием может быть вред здоровью любой степени, вплоть до тяжкого. Закон считает эти действия опасными и наказывает их в зависимости от последствий. Если же последствия не наступили (или не установлены), побои и истязания рассматриваются как самостоятельные преступления, своеобразный „усеченный состав“ причинения вреда здоровью» (Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика : учеб.-практ. пособие. М., 2008. С. 167).

Однако представляется очевидным, что побои (ст. ст. 116 и 116¹) и истязания (ст. 117) могут и не вызвать причинения вреда здоровью человека, так как направлены прежде всего на нарушение телесной неприкосновенности другого человека, причинение потерпевшему физической боли. Исходя из приведенной выше классификации преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ, побои и истязания следует относить к преступлениям, ставящим в опасность жизнь и здоровье другого человека.

преступлений против собственности (глава 21). Другой пример — угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296) как одно из преступлений против правосудия (глава 31).

С учетом наименования раздела VII «Преступления против личности» Особенной части уголовного закона *родовым* объектом анализируемой группы преступлений следует считать общественные отношения, обеспечивающие интересы личности. Преступления против здоровья другого человека являются составной частью преступлений против личности.

«Личность» как уголовно-правовая категория — собирательное понятие, включающее следующее множество «компонентов»: жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство, половую неприкосновенность и половую свободу личности, конституционные права и свободы человека и гражданина, интересы семьи и несовершеннолетних. В уголовно-правовом смысле «личность» — это человек, гражданин, иное физическое лицо, участник общественных, межличностных и иных видов отношений. Сквозь призму раздела VII УК РФ «личность» рассматривается в качестве биологического, психического и социального субъекта и индивида одновременно, другими словами, как биопсихосоциальное существо.

Личность в понимании закона — это любой человек, гражданин или индивид, который одновременно является и биологическим существом, и носителем определенных прав, обязанностей, свобод, будучи включенным в систему социальных ролей и общественных отношений.

Сказанное дает основание утверждать, что понятия «личность» и «человек» следует трактовать как равнозначные². Противопоставление уголовно-правовых категорий «личность» и «человек» в качестве объекта уголовно-правовой охраны вряд ли может быть признано состоятельным.

Видовым объектом преступлений против здоровья по УК РФ выступают общественные отношения, направленные на защиту *жизни и здоровья другого человека*. Жизнь и здоровье как физиологические (биологические) состояния человеческого организма представляют собой социальные и правовые блага и ценности. Так, право на жизнь и здоровье относятся к группе основных прав и свобод человека, которые согласно ч. 2 ст. 17 Конституции РФ неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

² Кулыгин В. Уголовное право, правосознание, справедливость // Уголовное право. 2002. № 2. С. 46.

При этом жизнь человека есть само его физиологическое существование, его биологическое бытие, активная форма существования отдельно взятого человеческого организма от момента появления до его смерти. Жизнь каждого конкретного физического лица возникает лишь однажды и, будучи только единожды утрачиваемой, не может подлежать ни восстановлению, ни приобретению вновь³. Право каждого человека на жизнь признается государством и гарантируется им. Согласно ч. 1 ст. 20 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь. Соответственно, уголовным законом охраняется жизнь любого человека независимо от его жизнеспособности, возраста, состояния физического или психического здоровья, социальной значимости, морально-психологических качеств и других характеризующих его признаков и свойств.

Будучи объектом правовой охраны, жизнь как физиологическое состояние (процесс) человеческого организма имеет временные рамки, очерченные ее начальным и конечным моментами, которые имеют правовое значение.

Момент начала жизни человека связан современной доктриной и законодателем с его *рождением* (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ и ст. 123 УК РФ). Принимая во внимание, что рождение как процесс имеет свои временные границы, отправным моментом человеческой жизни признается *начало родов* (ст. 106 УК РФ). Это обстоятельство означает, что здоровье человека охраняется уголовным законом также с начала родов. Посягательство на здоровье младенца уже в процессе родов признается преступлением против здоровья человека.

Момент окончания жизни человека определен в медицинском законодательстве (ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»; ст. 66 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; постановление Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека»).

Этот юридически значимый момент непосредственно связывается законодателем с констатацией необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга), установленной в соответствии с процедурой, утвержденной федеральным органом исполнительной власти, осуществляю-

³ Михайлова И. А. Право на жизнь: актуальные проблемы законодательства, теории и практики // Российский судья. 2003. № 8. С. 39.

щим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения. Согласно чч. 2 и 3 ст. 66 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких.

С точки зрения физиологии человеческая жизнь образует первооснову для здоровья человека. Состояние здоровья человеческого организма соединено со всем его жизненным циклом и подчинено его течению. Поэтому преступлением против здоровья признается посягательство на здоровье *еще живого* человека.

Здоровье другого человека является основным *непосредственным* объектом преступлений против здоровья (глава 16 УК РФ).

Здоровье — это *состояние* жизнедеятельности человеческого организма, органически связанное с процессом жизни и обусловленное генетическими, социальными, экологическими и другими факторами. Это защищаемое законом *благо*, принадлежащее человеку от рождения, неотчуждаемое и непередаваемое иным способом.

Согласно медицине здоровье — это такое физическое (соматическое — от греч. *сома* — «тело, строение тела и его органов») и психическое состояние организма, при котором все его составляющие функционируют нормально и отсутствуют какие-либо болезненные изменения. Такое состояние предполагает сохранение в норме анатомической целостности органов и тканей, их физиологических функций, другими словами, отсутствие телесных повреждений, заболеваний, патологических состояний.

В пункте 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под здоровьем понимается такое *состояние* физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, патологические состояния, функциональные расстройства организма. Понятно, что абсолютно здорового человека в природе не существует. С точки зрения медицинского законодательства состояние здоровья человека — это степень приближенности человеческого организма к его абсолютному здоровью.

В свете вышесказанного обратим внимание на особенности юридического понимания *здоровья как объекта преступлений*, предусмотренных в главе 16 УК РФ. Если с медико-правовой точки зрения здоровье — состояние организма, при котором все его составляющие функционируют нормально и отсутствуют какие-либо болезненные изменения, то под

здоровьем как объектом уголовно-правовой охраны понимается *фактическое* состояние организма независимо от его благополучия, наличия или отсутствия болезней, физических или психических отклонений, патологических дефектов.

Итак, здоровье как объект преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ, и объект уголовно-правовой охраны вообще есть состояние организма конкретного физического лица, каким бы оно не было в момент причинения вреда. Уголовный закон охраняет здоровье независимо от физического или психического состояния жизнедеятельности человека. Преступления против здоровья представляют собой общественно опасные посягательства на человека с любым состоянием здоровья, влекущие его *ухудшение*. В этом смысле не имеет значения наличие у потерпевшего заболеваний, физических или психических расстройств. В сфере уголовно-правового регулирования принимается во внимание *фактическое* состояние человеческого организма в момент совершения противоправного деяния.

Как уже говорилось ранее, состояние здоровья человека тесно связано с течением его жизни. Поэтому здоровье рассматривается как состояние организма в юридически значимом интервале от начала жизни до ее завершения.

Еще одна особенность уголовно-правовой охраны здоровья человека от преступлений, предусмотренных в главе 16 УК РФ, состоит в следующем. Причинение вреда здоровью не образует состава преступления и уголовно не наказуемо. Исключение составляет членовредительство (причинение себе какого-либо телесного повреждения) как способ совершения другого преступления (как способ посягательства на иной объект). Это деяние влечет уголовную ответственность. Современное уголовное право знает состав такого преступления. Это уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иным способом как разновидность преступлений против военной службы, предусмотренных главой 33 УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 339 УК РФ наказуемо уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана.

Из вышесказанного следует, что основным объектом преступлений, описанных в главе 16 УК РФ, выступает здоровье *другого* человека, а уголовно наказуемым по общему правилу является причинение вреда здоровью *другого* физического лица. Собственное здоровье не выступает объектом преступных деяний.

Согласие потерпевшего на причинение вреда собственному здоровью влечет уголовную ответственность виновного лица, являющегося причинителем вреда. Это правило имеет ряд исключений, когда действия с согласия лица, претерпевающего вред, направлены на достижение социально полезных целей: а) правомерное медицинское вмешательство, б) научный эксперимент, в) участие в спортивных соревнованиях, г) иные действия по достижению общественно полезных целей. Кроме того, следует принимать во внимание положения уголовного закона о крайней необходимости и обоснованном риске (ст. ст. 39 и 41 УК РФ) как обстоятельствах, исключающих преступность деяния даже в случае отсутствия согласия со стороны лица, претерпевшего вред.

Объективная сторона преступлений против здоровья состоит в противоправном причинении той или иной степени тяжести вреда здоровью другого человека или угрозе (создании опасности) причинения такого вреда.

Первый обязательный признак объективной стороны рассматриваемых преступлений — общественно опасное деяние.

С объективной стороны преступления против здоровья характеризуются как активной (действием), так и пассивной формой поведения (чистым или смешанным бездействием). Как свидетельствует практика, чаще всего исследуемые деликты совершаются путем активных форм поведения. Все факторы внешней среды, причиняющие вред здоровью человека или создающие угрозу причинения такого вреда, принято делить на: 1) физические (механические, температурные, электрические и др.); 2) химические (промышленные, наркотические, токсические, лекарственные вещества, бытовые химикаты, боевые отравляющие вещества); 3) биологические (ядовитые насекомые, микроорганизмы, растения, животные); 4) психические (макросоциальные, микросоциальные). Следовательно, действия виновного могут выражаться в физическом, химическом, биологическом или психическом воздействии на потерпевшего. Как писал Н. И. Загородников, вред здоровью может быть причинен не только путем механического повреждения целостности органов или тканей, но и путем введения в организм потерпевшего разного рода инфекций, возбудителей заболеваний, а также путем психического воздействия на человека⁴.

Преступления против здоровья могут быть совершены и путем бездействия в том случае, если виновный не совершает действий по обеспечению безопасности здоровья другого человека, которые он должен был и мог совершить.

⁴ Загородников Н. И. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 115.

Большинство составов преступлений против здоровья сконструированы по типу материальных (ст. ст. 111–115, 118). Обязательными их признаками выступают общественно опасное действие (бездействие), общественно опасные последствия в виде вреда здоровью другого человека и причинно-следственная связь между действием (бездействием) и наступившими последствиями.

По уголовному законодательству России и противоправное деяние, и наступившие в результате совершения этого деяния общественно опасные последствия в указанных материальных составах выражаются в причинении той или иной степени тяжести вреда здоровью. Поэтому причинение вреда здоровью допустимо рассматривать в виде «деяния — последствия».

Отдельные признаки объективной стороны преступлений против здоровья имеют *бланкетный* характер. Это обстоятельство требует при квалификации обращаться к соответствующему (не уголовному) законодательству, где определяется содержание бланкетных признаков. Один из таких признаков — вред здоровью.

Понятие *вреда здоровью* в уголовном законе не раскрывается. Определение этого понятия дано в двух нормативных правовых источниках: Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522; Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 24 апреля 2008 г. № 194н.

Согласно п. 2 Правил и п. 5 Медицинских критериев под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды.

Характер вреда здоровью человека позволяет различать (с известной долей условности) следующие его виды:

- нарушения анатомической целостности органов человека (вывихи, переломы, иные телесные повреждения и травмы);
- нарушения анатомической целостности тканей человека (поверхностные раны, ожоги, иные телесные повреждения и травмы);
- нарушения физиологической функции органов человека (отравления, лучевые поражения);
- нарушения физиологической функции тканей человека (ушибы, переохлаждение или обморожение, обезвоживание, баротравма);

— заболевания (венерическая болезнь, ВИЧ-инфекция, кессонная болезнь, наркомания, токсикомания и пр.), в том числе психические расстройства;

— угрожающие жизни состояния (шок тяжелой степени; кома II–III степени различной этиологии; острая, обильная или массивная кровопотери; острая сердечная и (или) сосудистая недостаточность тяжелой степени и др.).

Однако не характер, а *степень тяжести* вреда здоровью человека выступает главным (первым) основанием систематизации уголовно-правовых норм о преступлениях против здоровья. С учетом этого основного критерия в уголовном законе различается три вида такого рода вреда: тяжкий, средней тяжести и легкий вред здоровью человека.

В соответствии с пп. 3 и 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, данный вред определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) на основании *квалифицирующих признаков* и в соответствии с Медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденными Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

При этом в п. 9 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, установлено, что поверхностные повреждения, в том числе: ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека.

Следует подчеркнуть, что степень тяжести причиненного вреда здоровью человека является основной, но *не единственной* линией дифференциации ответственности за преступления против здоровья. Другим критерием систематизации уголовно-правовых норм о преступлениях против здоровья выступает (с учетом характеристики общественно опасных последствий рассматриваемых преступных посягательств) *характер* вреда здоровью. Принимая во внимание число выделенных по указанному критерию нормативных положений, он используется в качестве дополнительного основания анализируемой систематики. По данному критерию (характеру вреда) в уголовном законе выделены два состава преступления: заражение венерической болезнью (ст. 121) и заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122).

Субъективная сторона преступлений против здоровья характеризуется по общему правилу умышленной формой вины. При этом для

умышленного причинения вреда здоровью типичен неконкретизированный умысел.

Некоторые преступления против здоровья характеризует неосторожная вина (легкомыслие или небрежность). Это причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118); заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122); неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного (ст. 124).

Причинение по неосторожности вреда средней тяжести и легкого вреда здоровью уголовно не наказуемо.

Отдельные преступления против здоровья совершаются умышленно и по неосторожности. Так, ответственность за заражение венерическим заболеванием (ст. 121) наступает при наличии умышленной формы вины. Вместе с тем ответственность за данное преступление не исключается и тогда, когда имел место факт заражения этой болезнью по легкомыслию.

Преступления против здоровья характеризуются общим субъектом — вменяемым физическим лицом, достигшим 16-летнего возраста. Возраст уголовной ответственности понижен до 14 лет при умышленном причинении тяжкого (ст. 111) и средней тяжести (ст. 112) вреда здоровью.

Составы некоторых преступлений против здоровья характеризуются специальным субъектом. Так, субъектом заражения венерической болезнью (ст. 121) и ВИЧ-инфекцией (ч. 2 ст. 122) признается лицо, достигшее 16-летнего возраста, страдающее указанным заболеванием (венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией) и знающее о наличии у него этой болезни. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 124, считается физическое вменяемое лицо, обязанное оказывать помощь больным в соответствии с законом или со специальным правилом.

Итак, с юридико-технической стороны преступления против здоровья представляют собой предусмотренные ст. ст. 111–115, 118, 121 и 124, а также чч. 2–4 ст. 122 главы 16 УК РФ противоправные общественно опасные деяния (действия или бездействие), которые выражаются в умышленном или неосторожном причинении вреда здоровью другого человека.

И. В. Дворянсков

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРИМИНАЛЬНЫЕ БАНКРОТСТВА

Экономические отношения традиционно находятся под охраной уголовного права. Особой их разновидностью выступают отношения по поводу признания должника несостоятельным (банкротом), реализации порядка и условий осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), проведения процедур банкротства и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов. Уголовный закон в связи с этим содержит группу норм, образующих механизм уголовно-правового предупреждения неправомерного банкротства: ст. 172¹ («Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации»), ст. 195 («Неправомерные действия при банкротстве»), ст. 196 («Преднамеренное банкротство»), ст. 197 («Фиктивное банкротство»).

Характеризуя параметры общественной опасности указанных деяний, в первую очередь следует задуматься о необходимости и целесообразности криминализации отдельных видов неправомерного поведения в указанной сфере. Перечисленные нормы относятся к категории бланкетных, поскольку отсылают к законодательству, регулиющему отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей. Его основой является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)¹.

Данный закон содержит указание на ряд неправомерных действий при банкротстве и даже устанавливает за них гражданско-правовую ответственность. Так, ст. 20.4 предусматривает ответственность арбитражного управляющего за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей, нарушение требований настоящего закона, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, федеральных стандартов, стандартов и правил профессиональной деятельности. В статье 61.12 устанавливается субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника. Статьей 201.9 регулируется очередность удовлетворения требований кредиторов в деле о банкротстве застройщика и т. д.

¹ О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

Вместе с тем, как известно, в поле зрения уголовного права попадают только те деяния, которые причиняют существенный вред охраняемым интересам. В данном случае речь идет о таких неправомерных действиях, которые влекут нанесение крупного имущественного ущерба кредиторам, третьим лицам. Особой опасностью обладает неправомерное банкротство организаций, осуществляющих масштабное привлечение финансовых средств (банков, страховых, инвестиционных, строительных организаций).

В российской судебной практике фиктивное и преднамеренное банкротство выступает достаточно распространенным инструментом, применяемым в целях хищения значительных денежных средств. В частности, фиктивная несостоятельность в сфере жилищного строительства позволяет недобросовестным застройщикам и лицам, их контролирующим, злоупотреблять своими правами в противоправных целях. При этом несовершенство законодательства, размытость оснований ответственности позволяют руководящим лицам компании-должника избегать наказания за противоправные действия. Например, постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 апреля 2015 г. № 11АП-3078/2015 по делу № А49-3728/2013 установлено наличие причинно-следственной связи между действиями А., использовавшего денежные средства участников долевого строительства не по целевому назначению, и негативными последствиями в виде банкротства предприятия. А. привлечен к субсидиарной ответственности, с него в пользу должника ООО группа компаний «Поволжье» взыскано 151 903 027 руб. 12 коп.²

Однако в связи с размерами ущерба, фактическим неисполнением судебных актов о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, вопрос об адекватности мер ответственности содеянному должников остается открытым.

Исходя из анализа уголовно-правовых норм о банкротстве, можем констатировать, что в качестве ключевого признака общественной опасности, отграничивающего преступления от иных противоправных деяний, выступает крупный ущерб. Его определение, в свою очередь, содержится в примечании к ст. 170² УК РФ («Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории»), где, в частности, говорится, что в статьях главы 22 УК РФ, за исключением ст. 169, чч. 3–6 ст. 171¹, ст. ст. 171², 171³, 174, 174¹, 178, 180, 185–185⁴, 185⁶, 191¹, 193, 193¹, 194, 198–199¹, 199³, 199⁴, 200¹, 200² и 200³,

² Ахтямова Л. Лжебанкротства застройщиков. Анализ судебной практики // Жилищное право. 2017. № 4. С. 101–112.

крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным — девять миллионов рублей. Таким образом, указанное примечание содержит ссылку на нормы об ответственности за неправомерное банкротство, включающие понятие «крупный ущерб». Между тем по непонятным причинам исследуемые нормы не предусматривают в качестве особо квалифицирующего признака «особо крупный ущерб». Что хотел этим сказать законодатель? Что подобные преступления не могут причинить ущерб свыше двух миллионов двухсот пятидесяти тысяч рублей? По сути, причинение более крупного ущерба никак не оценивается уголовным законом. При этом, как показывает практика, именно такой ущерб нередко причиняется «банкротами», массово привлекающими средства кредиторов.

В литературе нет единства мнений о том, что именно считать крупным ущербом. Так, А. А. Шматенко отмечает, что практике известны примеры, когда под ущербом понимался размер требований кредиторов, включенных в реестр требований должника (материалы уголовного дела № 04-3937-10, Курганская область, 2010 г.; материалы уголовного дела № 274026, СПб., 2010 г.). Однако, как полагает автор, данная позиция является ошибочной. Закон о банкротстве предусматривает необходимость включения денежных требований кредиторов в одноименный реестр. При этом сами требования возникают из различных правовых оснований (заем, кредит, поставка, неосновательное обогащение и прочие договорные и внедоговорные обязательства, публично-правовые обязанности по уплате налогов и сборов и т. д.), а их обоснованность и размер устанавливаются арбитражным судом в рамках дела о банкротстве.

С точки зрения положений гражданского законодательства неисполнение обязательства, действительно, может повлечь убытки кредитора. Однако возникает задолженность, которая квалифицируется в качестве неосновательного обогащения, образовавшегося у должника (ст. 1103 ГК РФ), а не убытков. В свою очередь, денежные требования кредиторов по возмещению убытков, причиненных должником теми или иными действиями, не связанными с криминальными банкротствами (например, повреждение или уничтожение имущества), также включаются в реестр. Хотя такие убытки нельзя отождествлять с ущербом в значении ст. ст. 195–197 УК РФ, поскольку они причинены разными деяниями³.

³ Шматенко А. А. Ущерб как элемент объективной стороны криминальных банкротств // Российский следователь. 2014. № 8. С. 27–32.

И. В. Шишко отождествил ущерб от преступления со стоимостью «выведенного» имущества. Эта точка зрения получила поддержку ряда представителей науки уголовного права⁴.

Полагаем, однако, что она не вполне оправдана. Отождествление крупного ущерба с величиной имущественных потерь должника не позволяет в полной мере установить размер вреда, причиненного отдельно взятому кредитору, поскольку таковой зависит не только от размера «выбывшего имущества», но и от очередности кредитора (ст. 134 Закона о банкротстве).

А. А. Шматенко полагает, что противоправные деяния в отношении имущества должника не влекут, а лишь могут повлечь причинение ущерба кредиторам, поскольку на момент их совершения в имущественной сфере кредиторов ничего принципиально не меняется. Напротив, размер имущественных прав кредиторов может увеличиваться (п. 2 ст. 95, п. 2.1 ст. 126 Закона о банкротстве). Более того, возможна ситуация, когда объективная сторона преступления начнет выполняться до момента возникновения задолженности перед отдельно взятым кредитором⁵.

Науке уголовного права известен и еще один подход к вопросу определения ущерба. Он базируется на тезисе о необходимости предварительного признания должника несостоятельным в рамках дела о банкротстве и завершения конкурсных процедур, после чего возможно будет установить размер негативных последствий криминального банкротства, определяемый как разница между денежными требованиями, включенными в реестр требований кредиторов должника, и фактическим объемом удовлетворенных требований⁶.

С одной стороны, данная позиция содержит здоровое зерно, поскольку уголовно-правовой механизм бланкетной нормы должен приходить в действие только в случае невозможности разрешить ситуацию при помощи позитивного правового регулирования. Таким образом, определение размера ущерба после завершения расчетов с кредиторами в рамках конкурсного производства в большей степени соответствует положениям гражданского законодательства о возмещении убытков и, действительно,

⁴ Гулый А. А. Вопросы квалификации преднамеренного банкротства по объективной стороне // Российский следователь. 2005. № 1. С. 17; Лемягов А. Н. Объективная сторона преднамеренного банкротства // Там же. 2008. № 23. С. 24; Михалев И. Ю. Криминальное банкротство. СПб., 2001. С. 138; и др.

⁵ Шматенко А. А. Указ. соч.

⁶ Колб Б. И. Ответственность за криминальные банкротства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 17; Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 328.

позволяет достаточно точно определить тот вред, который был причинен криминальным банкротством.

С другой стороны, возможность возбуждения уголовного дела за совершение преднамеренного или фиктивного банкротства до принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом следует из содержания п. 2 ст. 20.3 Закона о банкротстве, в силу которого арбитражный управляющий в деле о банкротстве обязан выявлять признаки преднамеренного и фиктивного банкротства в порядке, установленном федеральными стандартами, и сообщать о них органам, к компетенции которых относится рассмотрение сообщений о преступлениях. Согласно п. 15 Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства в случае, если в заключении о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства устанавливается факт причинения крупного ущерба, оно направляется только в органы предварительного расследования⁷. Б. М. Волженкин писал, что разница между суммами, включенными в реестр требований кредиторов и фактически удовлетворенными притязаниями за счет реализации имущества должника в рамках конкурсных процедур, «может в значительной степени быть вызвана объективными факторами и неосторожными, легкомысленными действиями должника, приведшими к его банкротству»⁸. Следовательно, выявляется недостаток рассматриваемого подхода, по крайней мере, при решении вопросов, связанных с квалификацией деяний по ст. 195 УК РФ, поскольку невозможно установление прямой причинной связи между преступлением и убытками кредиторов, что обязательно для преступлений, состав которых сформулирован как материальный.

Ввиду бланкетности рассматриваемых уголовно-правовых норм за разъяснением следует обратиться к закону о банкротстве. Он в ст. 2 оперирует понятием «вред, причиненный имущественным правам кредиторов», под которым понимается уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий либо бездействия, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удо-

⁷ Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства : постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 52, ч. 2, ст. 5519.

⁸ Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 386.

влетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

Думается, для того чтобы определить ключевой признак криминальных банкротств — размер ущерба, речь должна идти о фактическом причинении ущерба, определяемом согласно ст. 2 Закона о банкротстве, а не о создании предпосылок для этого. Кроме того, реализация уголовно-правового принципа справедливости вызывает необходимость дифференцировать ответственность за криминальные банкротства в зависимости от причинения крупного и особо крупного ущерба. В связи с этим, требуется корректировка соответствующих уголовно-правовых норм.

И. В. Попов

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 247 УК РФ, С ИНЫМИ СОСТАВАМИ ГЛАВЫ 26 УК РФ

Изучение судебной-следственной практики по делам об экологических преступлениях, а также научной литературы по данной тематике позволяет нам говорить, что одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем является разграничение преступного нарушения правил обращения с опасными веществами и отходами с иными составами главы 26 УК РФ. Дело в том, что названная глава сконструирована таким образом, что нередко преступное деяние одновременно подпадает под признаки двух и более уголовно-правовых норм главы об экологических преступлениях. Особенно это касается соотношения ст. 247 УК РФ с иными составами, предусматривающими ответственность за преступное загрязнение окружающей среды и ее компонентов. Если мы представим область действия уголовно-правовой нормы в виде кругов Л. Эйлера, то в зоне пересечения находится деяние, которое полностью подпадает под признаки двух и более составов главы 26 УК РФ. Поскольку такое преступление может быть квалифицировано по различным статьям УК РФ, то возникает вопрос о том, какую уголовно-правовую норму выбрать в данном конкретном случае. Следует ли осуществлять уголовно-правовую квалификацию по правилу об идеальной совокупности преступлений?

На некоторые наиболее острые вопросы мы постараемся найти ответ в настоящей работе.

1. *Разграничение ст. 246 УК РФ и ч. 2 ст. 247 УК РФ, а также ч. 2 ст. 247 УК РФ и составов, предусматривающих загрязнение отдельных*

компонентов природы (земли, воды, растительности) вызывает наибольшие сложности.

Нарушение правил охраны окружающей среды при эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов может привести к воздействию на компоненты природной среды радиоактивными, химическими, бактериологическими веществами и отходами, причинить вред здоровью человека, повлечь массовую гибель животных, существенное изменение радиоактивного фона и иные тяжкие последствия.

Например, нередко возникают вопросы при выборе уголовно-правовой нормы, когда загрязнение окружающей среды химическими веществами происходит в результате аварии на магистральном нефтепроводе.

В этом случае деяние одновременно подпадает под признаки:

а) статьи 246 УК РФ — нарушение правил охраны окружающей среды при эксплуатации иного объекта, что повлекло причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных или иные тяжкие последствия (под которыми следует понимать также массивное загрязнение отдельных компонентов окружающей среды — земли, водных объектов, растительности);

б) части 2 ст. 247 УК РФ — транспортировка химических веществ с нарушением установленных правил, повлекшая причинение вреда здоровью человека или загрязнение окружающей среды или массовую гибель животных;

в) части 2 ст. 250 УК РФ — загрязнение поверхностных или подземных вод, если эти деяния повлекли причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных;

г) части 1 ст. 254 УК РФ — загрязнение земли вредными продуктами хозяйственной деятельности вследствие нарушения правил обращения с иными опасными химическими веществами при их транспортировке, повлекшее причинение вреда здоровью человека или окружающей среде;

д) части 3 или ч. 4 ст. 261 УК РФ — уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате загрязнения или иного негативного воздействия.

Некоторые авторы отрицают возможность квалификации подобного деяния по ст. 247 УК РФ. Они полагают, что перемещение жидкости по трубопроводу — это не транспортировка нефти, а ее перекачка, осуществляемая при эксплуатации объектов магистральное нефтепровода: в случае загрязнения окружающей среды нефтью (нефтепродуктами) из-за каких-либо повреждений нефтепровода деяния виновных сле-

дует квалифицировать по статье об ответственности за нарушение правил эксплуатации объектов (ст. 246 УК РФ, ст. 8.1 КоАП РФ)¹. Обосновывается эта позиция тем, что согласно Правилам технической эксплуатации магистральных нефтепроводов РД 153-39.4-056-00 под перекачкой понимается процесс перемещения жидкостей по трубопроводу с помощью насосных установок. Процесс перемещения — это не транспортировка, т. е. ст. 247 УК РФ не может быть применима.

Считаем, что такой подход ошибочен. Указанные авторы не учитывают, что магистральные трубопроводы относятся к системе магистрального нефтепроводного *транспорта*. Такое понятие широко используется во многих нормативных актах. Например, ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»² предусматривает, что объекты трубопроводного транспорта могут быть объектами концессионного соглашения. Приказом Министерства энергетики РФ от 23 августа 2012 г. № 399³ утверждены нормативы технологических потерь углеводородного сырья при его транспортировке трубопроводным транспортом. Постановлением Минтруда России от 17 июня 2003 г. № 36⁴ утверждены Межотраслевые правила по охране труда при эксплуатации промышленного транспорта (конвейерного, трубопроводного и других транспортных средств непрерывного действия). В пункте 1.5.3 Правил, на которые ссылаются авторы, прямо сказано, что эксплуатирующее нефтепровод предприятие организует транспортировку нефти и безопасную эксплуатацию магистральных нефтепроводов. Глава 11 РД 153-39.4-056-00 посвящена единой автоматизированной системе управления (далее — ЕАСУ) технологическим процессом транспорта нефти. ЕАСУ представляет совокупность программно-аппаратных средств, обеспечивающих организацию безопасной транспортировки нефти по системе магистральных нефтепроводов, плановое распределение грузопотоков, а также ведение финансово-хозяйственной деятельности компании.

¹ Хлупина Г., Молодкин А. Нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами // Уголовное право. 2011. № 4. С. 64.

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Об утверждении* нормативов технологических потерь углеводородного сырья при его транспортировке трубопроводным транспортом на 1 сентября 2012 г. : приказ Минэнерго России от 23 августа 2012 г. № 399. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Об утверждении* Межотраслевых правил по охране труда при эксплуатации промышленного транспорта (конвейерный, трубопроводный и другие транспортные средства непрерывного действия) : постановление Минтруда России от 17 июня 2003 г. № 36. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, согласно нормативному правовому регулированию нефтепровод относится к трубопроводному транспорту, а перекачка нефти — один из видов транспортировки нефти. Поэтому подобное деяние вполне может быть квалифицировано по ст. 247 УК РФ. Однако возникает вопрос, как квалифицировать деяние: по ст. 246 или по ч. 2 ст. 247 УК РФ либо применению подлежат нормы, предусматривающие ответственность за преступное загрязнение компонентов природной среды (ст. ст. 250, 254, 261 УК РФ).

Аналогичные трудности в выборе уголовно-правовой нормы возникают, когда компоненты окружающей среды (вода, земля, растительный мир) подвергаются загрязнению опасными химическими веществами в результате нарушения правил обращения с ними. В этом случае деяние одновременно подпадает как под признаки ч. 2 ст. 247 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение правил обращения с опасными веществами, так и под нормы, устанавливающие наказание за преступное загрязнение компонентов природной среды (чч. 1, 2 ст. 250, ч. 1 ст. 254, чч. 3, 4 ст. 261 УК РФ). Анализ правоприменительной практики выявляет различные подходы к решению данной проблемы. Например, приговором Красноярского районного суда Самарской области от 6 мая 2016 г. по ч. 2 ст. 247 УК РФ осужден гр. М., осуществивший слив на грунт отработанной серной кислоты объемом 34,05 т, перевозимой им в полуприцепе-цистерне. Выявлено химическое загрязнение почвы. Общий размер вреда, причиненного компонентам окружающей среды, составил 1 661 900 рублей⁵. В другом случае с подобными фактическими обстоятельствами деяние квалифицировано по ч. 1 ст. 254 УК РФ. Приговором Промышленного районного суда г. Оренбурга от 28 мая 2014 г. гр. Д. осужден по ч. 1 ст. 254 УК РФ. Он перевозил, а затем слил на землю жидкость, образующуюся в результате бурения нефтяной скважины, содержащую химические опасные вещества. Площадь загрязнения составила 9800 кв. м⁶.

Рассмотрим еще одну ситуацию, когда складывается неоднозначная судебная практика, — загрязнение водного объекта отходами животноводства. К уголовной ответственности по ч. 2 ст. 247 УК РФ привлечен бригадир племзавода, поскольку не были организованы работы по своевременному вывозу жидких навозных фракций крупного рогатого скота. Это привело к тому, что из-за продолжающегося поступления в заполненное на-

⁵ URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnoyarskij-rajonnyj-sud-samarskaya-oblast-s/act-523178268/> (дата обращения: 10.04.2018).

⁶ Дело № 1-8/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-promyshlennyj-rajonnyj-sud-g-orenburga-orenburgskaya-oblast-s/act-457264884/> (дата обращения: 10.04.2018).

возохранилище отходов произошло разрушение земляной обваловки и перелив навоза через верхний гребень на рельеф местности. По мелиоративному каналу навоз попал в ручей без названия, а далее в реки Каменка, Тойминаи Ить, что повлекло массовую гибель рыбы⁷. В другом деле аналогичное преступление квалифицировано иначе. Приговором Вурнарского районного суда Чувашской Республики от 3 июля 2014 г.⁸, оставленным апелляционным постановлением от 11 сентября 2014 г. без изменения, по ч. 2 ст. 250 УК РФ осужден директор свиноводческого комплекса Ф., который не обеспечил герметичность отстойника навозных фракций. Вследствие продолжающегося поступления в заполненный отстойник навоза, а также выпавших атмосферных осадков произошел неконтролируемый перелив навозной жижи через верхний гребень земляной дамбы на рельеф местности и далее в реку Сунарка, а затем в реку Малый Цивиль, что повлекло массовую гибель рыбы (в количестве 52 893 экземпляров)⁹.

Иногда разграничение можно провести на основе тех признаков, которые содержатся в уголовно-правовой норме и в разъяснениях высшей судебной инстанции. Например, согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 41 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации», в ч. 1 ст. 247 УК РФ предметом транспортировки, хранения, захоронения, использования или иного обращения с нарушением установленных правил являются только такие вещества и отходы, которые относятся к радиоактивным, бактериологическим или химическим. Другими словами, если существенный вред рыбным запасам причинен в результате загрязнения водного объекта веществами и отходами, которые не относятся к радиоактивным, бактериологическим или химическим, то и не может вставать вопрос о квалификации деяния по ст. 247 УК РФ.

2. Разграничение рассматриваемых составов затруднительно, так как неясно соотношение исследуемых уголовно-правовых норм.

⁷ Постановление Даниловского районного суда Ярославской области от 29 мая 2015 г. дело № 1-42/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-danilovskij-rajonnyj-sud-yaroslavskaya-oblast-s/act-494846461/> (дата обращения: 10.04.2018).

⁸ Дело № 1-9/2014. URL: <https://rospravosudie.com/court-vurnarskij-rajonnyj-sud-chuvashskaya-respublika-s/act-542210209/> (дата обращения: 10.04.2018).

⁹ Необходимо принимать во внимание тот факт, что окончательный вывод о квалификации конкретного деяния можно сделать только на основе всех материалов уголовного дела. Что касается приведенных примеров, то нами изучены лишь приговоры по уголовным делам, где фактические обстоятельства представлены не в полном объеме.

2.1. Отметим, что данные составы не могут соотноситься между собой как смежные, хотя в литературе встречается противоположное мнение¹⁰.

Так, В. Н. Кудрявцев выделял следующим образом смежные составы: когда составы имеют все общие признаки, кроме одного. Следовательно, только этот признак является разграничительным. Подобные преступления можно назвать смежными, конструкции их обычно одинаковы¹¹. Л. В. Иногамова-Хегай уточняет, что отличающийся признак обязательно должен быть разного значения, т. е. несовпадающим, при этом он не должен находиться в соотношении части и целого либо общей и специальной норм. В противном случае будут конкурирующие нормы, а не смежные. Отличающиеся признаки могут быть нейтрального, противоположного или взаимоисключающего характера¹². Она делает разграничение между смежными и конкурирующими составами: «Смежными являются уголовно-правовые нормы, которые имеют совпадающие признаки и один либо несколько несовпадающих признаков, не находящихся в отношении конкуренции. В отличие от смежных норм при конкуренции уголовно-правовых норм одновременно признаками двух или более конкурирующих составов охватывается одно общественно опасное деяние. Из конкурирующих применяется один приоритетный состав, полное охватывающий совершенное деяние. Если из смежных норм о преступлениях лишь одна норма соответствует обстоятельствам совершенного деяния, то конкурирующие нормы, наоборот, все охватывают такое деяние, но с разной степенью полноты»¹³.

Следовательно, смежные составы характеризуются тем, что в них должен быть такой признак, который *делает конкуренцию невозможной*, поскольку названные составы, по выражению Л. П. Брыч, находятся в состоянии *дизъюнкции*, т. е. логического противоречия.

Чтобы назвать уголовно-правовые нормы смежными, необходимо выделить признак, который однозначно разграничивает как минимум

¹⁰ Случевская Ю. А. Конкуренция норм гл. 26 УК РФ, связанных с загрязнением водных объектов // Уголовное право. 2015. № 4. С. 60.

¹¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 127–128.

¹² Иногамова-Хегай Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2008. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

два претендующих на применение состава. Наиболее яркий пример — признак способа совершения преступления в составах хищений. Причем, как замечает Л. П. Брыч, отличие от признака, выделяющего специальную норму из общей, в смежных составах каждый разграничительный признак одного состава преступления всегда имеет пару в другом из смежных составов¹⁴.

Анализируя ситуацию, когда нарушение правил обращения с опасными химическими веществами, например, повлекло порчу земли, можно прийти к выводу, что такого разграничительного признака найти не удастся в тех ситуациях, когда квалифицируемое деяние находится в секторе наложения сферы действия двух и более уголовно-правовых норм.

Поскольку выявить признак, который поставил бы ст. 247 УК РФ и ст. ст. 246, 250, 254, 261 УК РФ в состояние дизъюнкции, не удастся, то такие составы не являются смежными.

2.2. Являются ли рассматриваемые составы конкурирующими?

В науке уголовного права по характеру соотношения различают содержательную конкуренцию уголовно-правовых норм и темпоральную (которая возникает между нормами с различным временным периодом). Как отмечает З. А. Незнамова, именно содержательные коллизии именуется в уголовно-правовой литературе конкуренцией норм¹⁵. Содержательная конкуренция имеет три проявления:

- а) общей и специальной уголовно-правовых норм;
- б) специальных уголовно-правовых норм;
- в) уголовно-правовых норм, соотносящихся как часть и целое¹⁶.

Обзор литературы, в которой освещаются вопросы борьбы с экологическими преступлениями, показывает, что соотношение рассматриваемых преступлений обычно исследуется как конкуренция общей и специальной норм.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит правило о приоритете специальной нормы над общей (ч. 3 ст. 17). Проблема в том, что в науке уголовного права сложилось два разных взгляда относительно того, какие нормы являются общими, а какие — специальными. Так, первая точка зрения, которую формулирует Э. Н. Жевлаков, сводится к тому, что ст. 247 УК РФ является общей по отношению к статьям, предусматри-

¹⁴ Брыч Л. П. Отличие смежных составов преступлений от составов, предусмотренных конкурирующими нормами // LEXRUSSICA (Научные труды МГЮА). 2008. № 5. С. 1142.

¹⁵ Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 39.

¹⁶ Квалификация преступлений : учеб. пособие / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М., 2016. С. 91.

вающим ответственность за преступное загрязнение отдельных компонентов природных ресурсов (ст. ст. 248–252, 254 и 262 УК РФ)¹⁷. Данную точку зрения также разделяют А. Г. Князев, Д. Б. Чураков, А. И. Чучаев¹⁸, Г. Хлупина, Н. Качина¹⁹ и др.

Иного мнения придерживается Н. А. Лопашенко: состав, закрепленный в ч. 2 ст. 247 УК РФ, выступает специальным по отношению к составам загрязнения вод (ст. 250 УК РФ), загрязнения атмосферы (ст. 251 УК РФ), загрязнения морской среды (ст. 252 УК РФ), порчи земли (ст. 254 УК РФ)²⁰. Эту позицию разделяют О. Л. Дубовик²¹, И. М. Антонов, А. О. Швейгер, А. Лужбин²² и др.

Такая полнота мнений вынуждает задуматься. На самом ли деле данные нормы соотносятся как общая и специальная?

В науке уголовного права принято считать, что специальная норма выделяется из общей наличием только ей присущих признаков. Б. А. Куринов отметил: «В специальной норме обязательно должны быть все черты (признаки) общей нормы. В то же время специальная норма должна содержать и свои специфические признаки, выделяющие ее из общей

¹⁷ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2010; *Жевлаков Э. Н. Уголовно-правовая охрана окружающей природной среды в Российской Федерации*. М., 2002. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁸ *Князев А. Г., Чураков Д. Б., Чучаев А. И. Экологические преступления*. М., 2009. С. 42.

¹⁹ *Хлупина Г., Качина Н. Проблемы применения норм об уголовной ответственности за порчу земли // Уголовное право*. 2010. № 1. С. 50.

²⁰ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации* / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2007. С. 700; *Лопашенко Н. А. Экологические преступления* : комментарий к главе 26 УК РФ. СПб., 2002. С. 76; *Ее же. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ* : монография. М., 2017. С. 165–167; *Ее же. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ* : монография. М., 2009. С. 336–340; *Ее же. Квалификация конкуренции норм и типичные совокупности норм в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» // Уголовное право*. 2007. № 5. С. 46–50.

²¹ *Дубовик О. Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации*. М., 1998. С. 139; *Применение ответственности за экологические правонарушения* : учеб.-метод. пособие для практ. работников / отв. ред. О. Л. Дубовик. М., 2007. С. 108.

²² *Антонов И., Швейгер А. Сложности квалификации норм, предусматривающих ответственность за загрязнение природы // Уголовное право*. 2013. № 3. С. 4–5; *Лужбин А., Швейгер А. Сложности применения ст. 250 УК РФ // Там же*. 2012. № 3. С. 56.

нормы»²³. Как указывала Н. Ф. Кузнецова, назначение общей нормы состоит в определении в диспозициях норм основных составообразующих признаков. Они обязательно наличествуют в специальных нормах с добавлением других признаков (одного или более)²⁴.

Сопоставляя составы, предусматривающие ответственность за преступное загрязнение компонентов природной среды, с составом ч. 2 ст. 247 УК РФ, нельзя утверждать, что какая-либо из этих норм создана из другой путем наделения дополнительных признаков.

В связи с этим возникает вопрос: какое правило квалификации применять в подобных случаях?

Полагаем, в уголовном праве явление, когда нормы не соотносятся между собой как смежные или конкурирующие, должно получить название «редукция» (термин условен, можно подобрать более точную формулировку). В доктрине может быть разработано правило, согласно которому в этом случае выбор падает на уголовно-правовую норму, содержащую менее строгую санкцию.

Такая мысль носит предположительный характер. Для обоснования выдвинутого предложения требуются исследования других соотношений уголовно-правовых норм, когда возникают затруднения при их выборе в процессе квалификации. Лишь на основе глубоких теоретических исследований можно будет ввести обозначенное правило квалификации.

На наш взгляд, в существующей парадигме правильнее воспользоваться фикцией, согласно которой следует допустить, что нормы, предусматривающие ответственность за преступное загрязнение компонентов природной среды, являются специальными по отношению к ст. 247 УК РФ. В свою очередь, ч. 2 ст. 247 должна признаваться специальной по отношению к ст. 246 УК РФ (нарушение правил обращения с опасными веществами и отходами является частным случаем нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ). Это позволит нам использовать общую норму тогда, когда специальный состав не может быть применим по причине отсутствия уголовно-правовых последствий, предусмотренных специальной нормой²⁵.

²³ Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 177.

²⁴ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 123.

²⁵ А. С. Горелик указывает, что при конкуренции общей и специальной норм применяется специальная, если налицо все ее признаки и она полностью охватывает содеянное. Если в содеянном отсутствует какой-либо признак специальной нормы, то применяется общая (Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм : учеб. пособие. Красноярск, 1998. С. 16).

Такая фикция может быть введена путем включения соответствующего указания в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»²⁶.

Исходя из этого, когда в результате нарушения правил обращения с опасными химическими веществами (например, в случае загрязнения окружающей среды химическими веществами при аварии на магистральном нефтепроводе) произошло загрязнение:

а) водного объекта, то (в зависимости от наступивших уголовно-правовых последствий) деяние подлежит квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 250 УК РФ;

б) земли при нарушении правил транспортировки, то в случае причинения вреда здоровью человека или окружающей среде преступление квалифицируется по ч. 1 ст. 254 УК РФ;

в) лесных и иных насаждений, то при умышленной форме вины²⁷ деяние получает уголовно-правовую оценку в зависимости от размера ущерба либо по ч. 3 либо по ч. 4 ст. 261 УК РФ.

3. Подход к квалификации изменяется, если в результате нарушения правил обращения с опасными химическими веществами происходит не только порча земли, но и загрязнение других компонентов окружающей среды.

В этом случае вступает в силу правило конкуренции нормы-части и нормы-целого, разрешающейся в пользу последней. Как отмечает Л. Д. Гаухман, когда деяние, предусмотренное двумя или несколькими нормами, одна из которых охватывает содеянное в целом, а другие — его отдельные части, преступление квалифицируется по той норме, что охватывает с наибольшей полнотой все его фактические признаки²⁸.

Обоснование такого утверждения заключается в следующем. Норма ч. 2 ст. 247 УК РФ предусматривает ответственность за преступное загрязнение любого из компонентов природной среды, повлекшее вред

²⁶ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁷ Вывод об умышленной форме вины можно сделать на основе анализа санкций статьи (ч. 3 — до 8 лет лишения свободы; ч. 4 — до 10 лет лишения свободы, причем размер ущерба в ч. 3 — до 50 тыс. рублей, а в ч. 4 — превышает 50 тыс. рублей), а также того обстоятельства, что загрязнение или иное негативное воздействие является одной из форм уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений, к которым относится и поджог.

²⁸ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2013. С. 312.

окружающей среде. Нормы ст. ст. 250 и 254 возлагают ответственность за негативное воздействие на отдельные компоненты окружающей среды — воду и землю соответственно. Поэтому в том случае, когда нарушение правил обращения с опасными химическими веществами приводит к загрязнению нескольких компонентов природной среды, что влечет указанные в законе последствия, то деяние следует квалифицировать только по ч. 2 ст. 247 УК РФ, поскольку указанная норма полностью охватывает собой деяние, а нормы, содержащиеся в ст. ст. 250 и 254 УК РФ, лишь частично.

При этом необходимо помнить о еще одном правиле квалификации: преступление, предусмотренное нормой-целым, не может включать в себя деяние, которое обладает равной или более высокой общественной опасностью (в соответствии с правилами формальной логики часть не может быть равной целому или больше его). Поэтому конкуренция рассматриваемого типа возникает только при условии, если норма-часть имеет менее строгую санкцию, чем норма-целое. Если же норма-часть имеет равную или более строгую санкцию, то конкуренция уголовно-правовых норм отсутствует, а содеянное образует совокупность преступлений²⁹.

Данное правило имеет значение при квалификации нарушения правил транспортировки опасных химических веществ, которое повлекло загрязнение не только земли и водных объектов, но и лесных насаждений (в случае совершения такого деяния умышленно). Это объясняется тем, что санкция ч. 2 ст. 247 УК РФ, отражающая общественную опасность деяния, предусматривает лишение свободы на срок до 5 лет. Санкция ч. 3 ст. 261 УК РФ более строгая, так как предусматривает лишение свободы на срок до 8 лет, а по ч. 4 ст. 261 УК РФ — до 10 лет. Следовательно, ч. 2 ст. 247 УК РФ не может поглотить собой чч. 3, 4 ст. 261 УК РФ, а в смоделированной ситуации нужно квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 247 и ч. 3 или ч. 4 ст. 261 УК РФ.

4. Охватывает ли ч. 2 ст. 247 УК РФ нарушение правил обращения с опасными веществами и отходами, повлекшее нарушение режима особо охраняемых территорий? Требуется ли квалификация по совокупности ч. 2 ст. 247 УК РФ и ст. 262 УК РФ? Такой вопрос возникает, когда опасные вещества и отходы сгружаются (сливаются) на особо охраняемой территории.

А. С. Горелик, разграничивая конкуренцию от совокупности, указал, что при конкуренции совершено одно преступление и квалификация по

²⁹ *Квалификация преступлений* : учеб. пособие / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М., 2016. С. 103.

одной из норм охватывает его полностью. При совокупности совершено несколько преступлений, однако *ни одна из норм не охватывает содеянное полностью*³⁰.

Совокупность преступлений имеет место только тогда, когда ни одна из норм не охватывает полностью совершенное деяние. Если же деяние полностью подпадает под одну уголовную норму, а под другую лишь частично, то совокупность преступлений отсутствует. Здесь имеет место конкуренция норм. По правилу конкуренции целого и части выигрывает та, которая полностью охватывает преступление.

В связи с этим возникает ключевой вопрос: «Полностью ли охватывается нормами ст. ст. 246, 247, 250, 254, 261 УК РФ преступление, совершенное на особо охраняемой природной территории, либо нет?»

Н. А. Лопашенко придерживается позиции, согласно которой в таком случае квалификация по одной норме не охватывает всего деяния целиком, тем более что и деяние имеет разные стороны, *не учитываемые ни одним составом сразу*. С одной стороны, нарушение режимных правил охраняемой природной территории, с другой — нарушение правил охраны других природных объектов (животного или растительного мира и пр.). Требуется совокупность преступлений³¹.

С этим мнением следует согласиться, в противном случае деяние не получит своей должной правовой оценки.

Подводя итог, отметим следующее. В науке уголовного права имеются различные подходы к квалификации экологических преступлений, когда компоненты окружающей среды (вода, земля, растительный мир) подвергаются загрязнению опасными химическими веществами. Такая же картина наблюдается и в судебной практике. Проблема вызвана тем, что трудно определить, в каком соотношении находятся состав ч. 2 ст. 247 УК РФ и составы, предусматривающие ответственность за преступное загрязнение компонентов природной среды (чч. 1, 2 ст. 250, ч. 1 ст. 254, чч. 3, 4 ст. 261 УК РФ), а также ч. 2 ст. 247 и ст. 246 УК РФ. Для устранения обозначенного затруднения следует руководствоваться фикцией, согласно которой при возникновении конкуренции уголовно-правовых норм следует исходить из того, что ст. 247 УК РФ является общей по отношению к составам, защищающим отдельные компоненты природной среды, и специальной по отношению к ст. 246 УК РФ.

³⁰ Горелик А. С. Указ. соч. С. 8.

³¹ Лопашенко Н. А. Квалификация конкуренции норм и типичные совокупности норм в гл. 26 УК «Экологические преступления». С. 50.

В. Н. Борков

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА

Основу коррупции составляет одно из самых распространенных и вместе с тем редко выявляемых преступлений, совершаемых должностными лицами, — незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ). Оно состоит в учреждении должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо в участии в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния связаны с предоставлением такой организации льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме. «Для российского управленческого аппарата, независимо от иерархического уровня, — пишет Б. В. Волженкин, — характерны такие проявления коррупции, как: совместительство в коммерческих структурах, подконтрольных государственному или муниципальному служащему или заинтересованных в сотрудничестве с ним; организация коммерческих структур должностными лицами, использующими при этом свой статус, участие в руководстве этими структурами, обеспечение им привилегированного положения...»¹. Так, к уголовной ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности привлекался глава районной администрации Гончаров. «По версии следствия, при активном участии Гончарова конкурс на выполнение работ по капремонту дорог в рамках регионального проекта „Муниципальные дороги“ выиграла фирма, директором которой он был до занятия поста главы района. Акции этого предприятия он передал своему сыну»².

Сложно согласиться с тем, что «с объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, может быть совершено путем учреждения должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, или участия в управлении такой организацией»³ и состоит в «принятии уставных документов», «формировании уставного капитала», «получении лицензии»⁴. Такое представление о не-

¹ Волженкин Б. В. Коррупция. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. С. 13.

² Иванов А., Садыкова Д. Иномарка довела до суда // Рос. газета (Пермский край). 2008. 20 марта.

³ Курс уголовного права. М., 2002. Т. 5 : Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова.

⁴ Муравьева Н. Незаконное участие в предпринимательской деятельности // Законность. 2008. № 8. С. 52.

законном участии в предпринимательской деятельности только частично отражает содержание исследуемого посягательства. В качестве основного признака преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, выступает предоставление организации, которая учреждена виновным или в управлении которой он участвует, льгот и преимуществ или покровительство этой организации в иной форме. Такое служебное поведение должностного лица формирует характер общественной опасности посягательства. Собственно занятие служащим предпринимательской деятельностью представляет собой грубое нарушение дисциплины, выражающееся в нарушении запрета, установленного российским антикоррупционным законодательством. Так, не были установлены признаки состава преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, в действиях полицейского, который лично систематически участвовал в управлении хозяйствующим субъектом, а именно торговыми точками, оформленными на его жену и брата. Полицейский координировал деятельность торговых точек, разрешал необходимые вопросы, забирал накладные, денежные средства из кассы, проводил собеседование при приеме на работу. Судебная коллегия по гражданским делам Вологодского областного суда признала обоснованным только увольнение сотрудника полиции в связи с несоблюдением установленного федеральным законом запрета⁵.

Действия виновного могут быть квалифицированы по ст. 289 УК РФ только в случае, если должностное лицо в ходе осуществления предпринимательской деятельности лично или через доверенное лицо, используя свои полномочия или положение, предоставляло своей организации льготы и преимущества или покровительствовало ей в иной форме. К уголовной ответственности за совершение комментируемого преступления привлекался заместитель начальника следственного отдела, который одновременно управлял коммерческой организацией, осуществляющей деятельность по выращиванию декоративных растений. Сотрудник органов внутренних дел «...подписывал все документы, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности организации, принимал на работу и увольнял работников, распоряжался денежными средствами организации. При этом, используя занимаемую должность в органах полиции, оказывал покровительство возглавляемой организации путем личного участия в проведении проверок надзирающими органами, склонения должностных лиц к лояльному проведению проверочных мероприятий»⁶.

⁵ Апелляционное определение Вологодского областного суда от 26 октября 2012 г. № 33-4322/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ В Адыгее в суд направлено уголовное дело в отношении бывшего сотрудника полиции, незаконно принимавшего участие в предпринимательской деятельности. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-842504/> (дата обращения: 27.11.2015).

Важно правильно раскрыть содержание такого обязательного признака объективной стороны незаконного участия в предпринимательской деятельности, как предоставление виновным коммерческой организации льгот и преимуществ или покровительство в иной форме. Подобные действия состоят в реализации должностных полномочий, что противоречит интересам нормального функционирования государства. Даже в случае, когда такое покровительство явно не противоречит закону, в контексте других признаков преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, оно является необходимой составляющей посягательства на публичный интерес. Покровительство может выразиться в решении виновным путем использования авторитета своей должности с руководителями и другими сотрудниками правоохранительных и контролирующих органов вопросов о непривлечении «своей» организации к ответственности за налоговые и иного рода правонарушения, а равно об их сокрытии. Должностное лицо, обладающее административно-хозяйственными полномочиями, злоупотребляя своими полномочиями в контрактной сфере, может принять самостоятельно или способствовать принятию решения о приобретении у организации, которой он фактически владеет или управляет, по завышенной цене продукции для государственных или муниципальных нужд, оплате оказываемых публичным организациям услуг. Начальник государственного или муниципального учреждения способен сдавать на льготных условиях в аренду помещения фактически ему принадлежащей коммерческой структуре. Важно подчеркнуть, что служащие, не обладающие должностными полномочиями, в качестве исполнителей преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, выступить не могут.

При выявлении и юридической оценке комментируемого посягательства следует учитывать, что предоставляемые курируемым организациям льготные условия осуществления предпринимательской деятельности и преимущества нарушают права других субъектов экономических отношений. Покровительство со стороны должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов помогает предпринимателям избегать необходимого контроля, порождает безнаказанность и безответственность. Отсутствие необходимого контроля со стороны государства может привести к выпуску недоброкачественной и опасной для здоровья граждан продукции, завышению цен на нее, оказанию некачественных услуг, к невыполнению налоговых и иных финансовых обязательств. Опасен отказ государства от осуществления своих функций в сфере обеспечения общественной безопасности, особенно противопожарной. Приведенные доводы свидетельствуют о том, что при со-

вершении преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, должностное лицо не просто использует предоставленные ему полномочия, а злоупотребляет ими.

Н. А. Егорова считает, что «правильнее было бы связывать незаконное участие в предпринимательской деятельности с одновременным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»⁷. Между тем обязанность фиксирования перечисленных последствий уменьшит и без того небольшое количество случаев применения комментируемой нормы. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2013 г. за незаконное участие в предпринимательской деятельности было осуждено 4 человека, в 2014 г. — 10 и в 2015 г. — 6 человек (форма № 10-а). Противоречие между чрезвычайной распространенностью незаконного участия чиновников в бизнесе и ставшими известными правоохранительным органам, надлежащим образом расследованными и доведенными до суда фактами совершения данного посягательства будет только усугубляться. Преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, опасно нарушением нормального функционирования государства, подрывом его авторитета. Общественную опасность деятельности должностного лица придает то обстоятельство, что виновный наряду с несоблюдением запрета, адресованного ему антикоррупционным законодательством, для систематического незаконного извлечения имущественной выгоды использует свое должностное положение. Уголовный закон обоснованно не связывает основания ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности с наступлением последствий. Противоречащие интересам государства управленческие решения должностного лица о предоставлении «своей» организации льгот и преимуществ в описанной в ст. 289 УК РФ ситуации сами по себе общественно опасны. Кроме того, исследуемое преступление отнесено к категории небольшой тяжести.

Как было показано выше, совершить преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ, может только должностное лицо, поэтому оно прямо названо законодателем в диспозиции нормы. Выступая в качестве наиболее яркого проявления коррупции, незаконное участие в предпринимательской деятельности характеризует предоставление в условиях «конфликта интересов» от имени государства льгот и преимуществ организации, в успехе которой виновный материально заинтересован. Должностное лицо, как правило, использует административно-хозяйственные пол-

⁷ Егорова Н. Ответственность за незаконное участие в предпринимательской деятельности // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 10.

номочия по управлению государственным или муниципальным имуществом, в том числе недвижимым, распоряжению бюджетными средствами либо властные полномочия, связанные с осуществлением надзорных функций в отношении коммерческих организаций. Субъект преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, участвует в предпринимательской деятельности вопреки запрету, установленному законом. Ранее запрет был адресован только к государственным и муниципальным служащим. Но таковыми, например, не являются лица, занимающие государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. После дополнения Федерального закона «О противодействии коррупции» ст. 12.1 данный пробел был устранен⁸.

В июле 2015 г. законодатель изменил п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, дополнив круг возможных субъектов должностных преступлений лицами, выполняющими организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям. Перечисленные руководители не являются государственными служащими, но в соответствии со ст. 12.4 Федерального закона «О противодействии коррупции» вполне обоснованно на них также распространяются предусмотренные для государственных служащих запреты и ограничения. Государственные предприятия и акционерные общества осуществляют экономическую функцию государства и призваны действовать в интересах всего общества. Признание их сотрудниками возможными субъектами должностных преступлений является социально обусловленным и исправляет ошибку, допущенную в 1996 г. Например, в соответствии с уголовным законом, действовавшим до июля 2015 г., суд не усмотрел незаконного участия в предпринимательской деятельности в действиях Д., начальника строительного управления дорожно-строительного треста Западно-Сибирской железной дороги в г. Барабинске. Д. заключил договор с администрацией г. Барабинска на аренду земли для благоустройства торгового рынка. Затраты на благоустройство рынка обошлись для строительного управления в 1 млн 69 тыс. рублей. После того как рынок начал действовать и в строительное управление стали поступать денежные средства, Д., оставаясь начальником последнего, зарегистрировался индивидуальным предпринимателем, действуя из корыстных побуж-

⁸ О противодействии коррупции : федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дений, переоформил документы на аренду земли, занимаемой рынком, на свое имя, в результате чего стал персонально получать все доходы от торговли⁹. Участие руководителей государственных унитарных предприятий и акционерных обществ в деятельности коммерческих организаций в целях расхищения государственных средств — достаточно распространенное явление. Так, «реальная производительность предприятий ОПК, отметил вице-премьер Д. Рогозин, — составляет от 5 до 8%. Между тем, несмотря на низкую рентабельность головных предприятий, рентабельность смежников превышает 30%... необходимо установить цепочку истинных владельцев частных предприятий ОПК»¹⁰. Высокий объем ресурсов, направляемых до 2020 г. (более 20 трлн рублей), требует повышенного контроля за расходованием колоссальных бюджетных средств, резюмировал Д. Рогозин.

Как смежное преступление, имеющее общие признаки с незаконным участием в предпринимательской деятельности, можно охарактеризовать получение взятки. В отличие от преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, при взяточничестве должностное лицо получает предмет взятки за служебное поведение в пользу других лиц, а при посягательстве, описанном в ст. 289 УК РФ, должностное положение используется для помощи своей незаконной предпринимательской деятельности. Так, в определении Верховного Суда РФ разъясняется: «Колобов, формально и документально не имея отношения к ООО <...>, фактически принимая участие в деятельности общества, наделенный правом распоряжаться имуществом общества, сам же об этом принимал решения, требуя у работников предприятия и членов наблюдательного совета документально оформить такие решения и исполнять их. Он также действовал как лицо, имеющее фактическую долю в имуществе... Колобов действительно способствовал в силу должностного положения в быстром и беспрепятственном утверждении Управлением <...> произведенных ООО <...> экспертиз промышленной безопасности. Указанные действия — предоставление льгот и преимуществ (использование автомобиля, гаражного бокса, топливной карты ГСМ, оплата услуг связи), выразившиеся в быстром и беспрепятственном утверждении заключений экспертиз и покровительство, входят в объективную сторону состава преступления, предусмо-

⁹ Муравьева Н. Указ. соч. С. 52.

¹⁰ Рогозин готовит поручение, обязывающее руководителей предприятий ОПК декларировать доходы. URL: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/17/63991659.html> (дата обращения: 16.02.2018).

тренного ст. 289 УК РФ»¹¹. Незаконному участию в предпринимательской деятельности присуща повышенная латентность в сравнении с получением взятки. Незаконное обогащение коммерциализированных должностных лиц сложнее выявить и документировать. Данное обстоятельство побуждает правоохранительные органы разрабатывать новые методики по их изобличению.

Т. Б. Басова предлагает дополнить ст. 289 УК РФ таким квалифицированным составом, как незаконное участие в предпринимательской деятельности группой лиц по предварительному сговору¹². Следуя логике основного состава — ст. 289 УК РФ, соисполнителями преступления могут быть должностные лица, которым адресован законодательный запрет на занятие предпринимательской деятельностью. При этом все объединившие усилия и координирующие свои действия соучастники должны быть связаны с коммерческой организацией и использовать в ее интересах свои должностные полномочия и положение. Например, соисполнителями получения взятки группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ) могут быть признаны должностные лица, заранее договорившиеся о совершении преступления, при этом каждый из них должен получить хотя бы часть от суммы взятки за совершение каждым из них действий (бездействия) по службе в интересах взяткодателя¹³. Подобным образом и при незаконном участии в предпринимательской деятельности соисполнителями следовало бы признавать тех, кто совместно занимается такой деятельностью, вопреки запрету, установленному законом, осознавая, что все они предоставляют общей организации льготы и преимущества.

При квалификации коррупционных преступлений может возникнуть вопрос о допустимости признания соучастником преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, должностного лица, которое не участвует в деятельности организации, но совершает другую часть исследуемого посягательства — предоставляет ей льготы и преимущества, согласовав это с другими должностными лицами, незаконно занимающимися предпринимательством. Полагаем, ответ здесь должен быть отри-

¹¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 7 ноября 2012 г. № 49-О12-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Басова Т. Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 17.

¹³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Рос. газета. 2013. 17 июля.

цательным. Указанное должностное лицо вопреки запрету в предпринимательской деятельности не участвует, что свидетельствует об отсутствии характерной для комментируемого посягательства обстановки. В то же время при групповом изнасиловании в качестве соисполнителей выступают не только те, кто совершил насильственный половой акт, но и лица, которые применяли насилие к потерпевшей. При этом деянием, предопределяющим характер общественной опасности изнасилования, является половой акт, совершенный против воли потерпевшей, а насилие характеризует способ посягательства, альтернативу которому может составить обстановка — беспомощное положение потерпевшей. Уточняем: способ и обстановка посягательства являются альтернативными признаками объективной стороны изнасилования, поэтому применяющий насилие выступает соисполнителем преступления. При незаконном участии в предпринимательской деятельности такое участие должностного лица, выражающееся в учреждении должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо, выступает в качестве обязательной обстановки посягательства. Поэтому должностное лицо, использующее за материальное вознаграждение свое должностное положение в интересах коммерческой организации, в которой оно предпринимательской деятельностью не занимается, получает взятку.

Фактически при незаконном участии в предпринимательской деятельности коррупционерами являются не только должностные лица. Прикосновенными к преступлению, предусмотренному ст. 289 УК РФ, а иногда и выгодоприобретателями от коррупции становятся сотрудники негосударственных коммерческих организаций. Последние понимают незаконность осуществления должностным лицом предпринимательской деятельности, осознают причины наличия выгодных подрядов, контрактов, завышенных цен на услуги коммерческой структуры, фактически возглавляемой чиновником. Между тем вряд ли руководителей и сотрудников коммерческой организации, не являющихся должностными лицами, следует признавать соучастниками преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ. В заблуждение нас может ввести сравнение со взяточничеством. Его соучастниками являются взяткополучатель и взяткодатель, иногда посредник во взяточничестве. Объясняется это тем, что при взяточничестве всегда необходимо соучастие, такова сущность этого опасного явления. Другая ситуация с незаконным участием в предпринимательской деятельности. Запрет на занятие такой деятельностью распространяется только на должностных лиц. Виновный в преступлении, предусмотренном ст. 289 УК РФ, предпринима-

тельской деятельностью занимается не в публичных, а в частных интересах. Наличие у субъекта должностного положения, распространяющегося на сферу экономической деятельности, и его использование — это потенциальная или уже реализованная угроза нормальному функционированию государства. Предназначение уголовно-правового запрета, содержащегося в ст. 289 УК РФ, состоит в разделении власти и бизнеса. В свою очередь коммерческие организации представлены предпринимателями по определению. Осуществление ими предпринимательской деятельности даже в условиях чиновничьего покровительства, льгот и преимуществ, созданных независимо от их действий, вряд ли следует рассматривать как общественно опасное. Стремление к извлечению имущественной выгоды всеми незапрещенными средствами является сущностью предпринимательства.

В. И. Селиверстов

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последнее десятилетие уголовно-исполнительная политика осуществлялась в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее — Концепция), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-Р¹, предусматривавшей в качестве стратегической линии уголовно-исполнительной политики поэтапный переход к содержанию осужденных в тюрьмах, отвечающих международным европейским стандартам.

Попытки реализации Концепции в части перехода на тюремное содержание были скорее неудачными, чем успешными. О необходимости внесения существенных корректив в Концепцию, об устранении системных недостатков неоднократно писали ученые, правозащитники и практики. Данная дискуссия проходила не только в научных изданиях², но и

¹ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2010, № 43, ст. 5544.

² *Селиверстов В. И.* Концепция развития уголовно-исполнительной системы должна быть изменена // *Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития* : сб. мат-лов круглого стола, посвященного памяти д-ра юрид. наук, проф., Заслуженного юриста РФ О. В. Филимонова (г. Москва, юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 31 мая 2013 г.) / под науч. ред. В. И. Селиверстова и В. А. Уткина. М., 2014. С. 159–167 ; *Уткин В. А.* Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2013. С. 15.

в средствах массовой информации³. Распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2015 г. № 1877-Р⁴ в Концепцию был внесен ряд принципиальных изменений и дополнений. В частности, был исключен как не обеспеченный материальными ресурсами переход на содержание осужденных в тюрьмах.

Осталось полтора года действия данной Концепции, наступает время разработки нового документа, который определял бы уголовно-исполнительную политику на следующее десятилетие и был бы свободен от недостатков, присущих действующей Концепции. Причем недостатки имеются как в процедуре принятия этого документа, так и в содержании. Что же конкретно следует учесть при подготовке нового документа?

Первое. Следует добиваться более широкого понимания социально-правового назначения нового концептуального документа. Идеальным вариантом такого понимания может стать разработка общей концепции уголовной политики, в которой составными частями будут концептуальные положения уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, профилактической и уголовно-исполнительной политики. Данный документ мог бы появиться под условным названием «Концептуальные основы уголовной политики Российской Федерации до 2030 года». Это обеспечило бы согласованность принимаемых решений в сфере противодействия преступности. В качестве иного (не идеального, но приемлемого) варианта может выступать подготовка отдельного документа, определяющего уголовно-исполнительную политику, однако в тесной увязке с концептуальными положениями уголовно-правовой политики.

Второе. Целесообразно, чтобы новый концептуальный документ принимался Президентом Российской Федерации. Согласно п. 3 ст. 80 Конституции Российской Федерации именно глава государства в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Кроме того, Президент РФ осуществляет непосредственное руководство силовыми министерствами и службами, к которым относится и уголовно-исполнительная система. Так, ранее действовавшая Концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России на период до 2005 года была утверждена 13 января 1996 г. Президентом Российской Федерации.

³ Селиверстов В. И. Тюрьмы не должны быть основным видом наказания // Независимая газета. 2012. 2 окт. ; Его же. Тюремные фантомы // Там же. 2012. 4 дек. ; Помаков П. Н. Сепарация системы наказаний // Там же. 2013. 5 марта ; Уткин В. А. Куда съедет // Там же. 2012. 4 дек.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 40, ст. 5581.

Уровень принятия Концепции 2010 г. был снижен, что сказалось на ее содержании. Она не была согласована с Генпрокуратурой России, МВД России, Минфином России, а также с Общественной палатой РФ и правозащитным сообществом в целом.

Утверждение будущего концептуального документа Президентом Российской Федерации, как мы надеемся, придаст ему более высокий статус и обеспечит необходимое качество его положений. Кроме того, положения будущего документа будут включаться в ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Другими словами, основные направления уголовной политики будут находить свое воплощение не только на стратегическом, но и на тактическом уровнях. С существующей Концепцией такого соответствия, к сожалению, не наблюдалось.

Третье. Новый концептуальный документ, на наш взгляд, должен разрабатываться с участием правоохранительных ведомств, но он не должен носить ведомственный и даже межведомственный характер, что мы наблюдаем применительно к действующей Концепции. Полагаем, он должен носить и иное название, не содержащее упоминания уголовно-исполнительной системы, например: «Концептуальные основы уголовно-исполнительной политики Российской Федерации до 2030 года». Ориентация на уголовно-исполнительную систему Министерства юстиции РФ не позволяет охватить весь спектр вопросов, которые целесообразно отразить в будущей концепции, так как в эту систему не входят учреждения и органы, исполняющие наказания в виде штрафа (судебные приставы-исполнители), а также в отношении осужденных военнослужащих (дисциплинарные воинские части, гауптвахты, командиры иных воинских частей). Необходимыми организационными условиями для реализации указанного предложения являются:

- 1) создание и координация деятельности рабочей группы по подготовке Концептуальных основ уголовно-исполнительной политики Российской Федерации до 2030 года на уровне Администрации Президента РФ, например на уровне Главного правового управления. Действующая в настоящее время Концепция была разработана в рамках Министерства юстиции РФ, что обусловило ее ведомственный характер, проявляющийся в постановке мелких, второстепенных, узкопрофильных задач, присутствующих отдельным управлениям и службам ФСИН России;

- 2) привлечение к работе широкого круга специалистов из различных сфер государственной (в том числе правоохранительной) деятельности, национального и международного правозащитного сообщества, общественных организаций, а также ученых из образовательных и научно-исследовательских организаций России.

Четвертое. Предполагаемый концептуальный документ, его цели и задачи должны быть реально достижимы и обеспечены необходимыми материальными, организационно-штатными и иными ресурсами. Наряду с Концептуальными основами уголовно-исполнительной политики Российской Федерации до 2030 года следует предложить подготовку и принятие Правительством Российской Федерации целевой Программы реализации положений данного документа с выделением необходимых ресурсов.

Пятое. Научная обоснованность положений, предлагаемых в будущей концептуальный документ, должна быть гарантией его качества и реализма. В результате игнорирования рекомендаций науки уголовно-исполнительного права в действующей Концепции была поставлена невыполнимая цель перехода на тюремное содержание осужденных в течение 2010–2016 гг., что обусловило нереальность реформирования уголовно-исполнительной системы. Концептуальные основы уголовной политики Российской Федерации до 2030 года должны опираться на имеющиеся и предстоящие научные разработки актуальных проблем противодействия преступности, которые должны содержать анализ экономических, политических, социальных (включая криминологические) и духовных факторов (детерминант) предлагаемых решений, а также оценку предполагаемых рисков их выполнения и систему мер их минимизации.

В качестве примера имеющихся научных исследований в сфере уголовно-исполнительной политики следует назвать разработанную в 2016 г. Научно-образовательным центром им. Ю. М. Ткачевского юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова научно-теоретическую Модель Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ)⁵. В 2017–2018 гг. в этом же центре идет разработка доктринальной Модели отбывания лишения свободы осужденными за экономические и (или) должностные преступления. На очереди ряд других научно-исследовательских проектов, в их числе и подготовка модели отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными за терроризм в отдельных исправительных учреждениях.

⁵ Указанный проект был разработан на средства государственной поддержки, выделенные Фонду поддержки социальных инициатив «Вольное Дело» в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17 января 2014 г. № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» (<http://civildignity.ru>), а также собственных средств фонда «Вольное Дело». (Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Селиверстова. М., 2017.)

В этом же ряду следует назвать и проведение очередной девятой специальной переписи осужденных, отбывающих лишение свободы, и лиц, содержащихся в следственных изоляторах России. Время проведения данной переписи приближается. Она проводится, как правило, через десять лет⁶, поэтому должна состояться в 2019 г. и дать богатый исследовательский материал для науки.

Требует своего завершения работа по созданию модельного уголовно-исполнительного законодательства, речь идет о подготовке научно-теоретической модели Особенной части нового УИК РФ.

Шестое. Какие же концептуальные положения могут быть предусмотрены в рамках уголовно-исполнительной политики государства на предстоящее десятилетие?

Во-первых, на наш взгляд, должно быть принято решение о дальнейшей кодификации уголовно-исполнительного законодательства России. Первая кодификация прошла в 1996–1997 гг., но, к сожалению, оказалась неполной. Исполнение большинства мер уголовно-правового характера урегулировано в нормативных правовых актах различного уровня и отраслевой принадлежности, хотя согласно ч. 2 ст. 2 УИК РФ эти общественные отношения относятся к предмету уголовно-исполнительного законодательства.

Во-вторых, должна получить развитие система исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок. Современные вызовы, заключающиеся в коллективном содержании в местах лишения свободы различных по своим социально-демографическим и криминологическим характеристикам осужденных («беловоротничковых» преступников, террористов, сбытчиков наркотиков, осужденных за убийства и педофилов), ставят на повестку дня проблему дальнейшей дифференциации условий отбывания лишения свободы, в частности содержания некоторых категорий осужденных в отдельных исправительных учреждениях.

В-третьих, в настоящее время наблюдается увеличение более чем в четыре раза по сравнению с первоначальной редакцией УК РФ числа статей, санкции которых предусматривают пожизненное лишение свободы. Однако в стадии исполнения пожизненное лишение свободы (как самостоятельный вид наказания) не оформлено в окончательном виде, оно во-

⁶ Восьмая специальная перепись осужденных и лиц, содержащихся под стражей, была проведена с 12 по 18 ноября 2009 г. (*Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 года)* / под общей ред. Ю. И. Калинин. М., 2012).

многим искусственно привязано к регламентации исполнения лишения свободы на определенный срок.

Существует и иной взгляд на правовую регламентацию исполнения и отбывания пожизненного лишения свободы. Он выражен в позиции Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и иных правозащитных структур, в частности Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее — ЕКПП), согласно которой порядок и условия отбывания пожизненного лишения свободы должны быть идентичны аналогичному порядку и условиям при отбывании лишения свободы на определенный срок.

Так, в июле 2017 г. ЕКПП направил в Правительство Российской Федерации доклад по итогам посещения Российской Федерации с 30 ноября по 13 декабря 2016 г. В нем Европейский комитет пришел к выводу, что способы обращения с осужденными, отбывающими пожизненное лишение свободы, можно трактовать как бесчеловечные и унижающие достоинство. ЕКПП в очередной раз указал, что он не видит оправдания систематической сегрегации (политика принудительного отделения) заключенных, осужденных к пожизненному лишению свободы, а потому призывает российские власти принять меры, в том числе законодательные, по запуску процесса интеграции таких заключенных в общий тюремный контингент. При этом ЕКПП рекомендует существенно гуманизировать условия отбывания пожизненного лишения свободы, констатируя в качестве бесчеловечного и унижающего достоинство обращения недостаточный размер жилой площади, содержание в стесненных условиях исключительно в камерах, отсутствие каких-либо других видов деятельности (спорт, отдых или возможности для получения образования)⁷.

Все это требует определения позиции государства по содержанию и порядку исполнения (отбывания) пожизненного лишения свободы, что необходимо сделать в рамках разработки концептуальных основ уголовной и уголовно-исполнительной политики.

В-четвертых, названная реформа 2010–2016 гг. не была проведена, однако это не снимает с повестки дня вопрос об исполнении международных стандартов обращения с осужденными (размещение осужден-

⁷ *Ваняцян С. З.* Возможно ли выполнение Российской Федерацией рекомендаций Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращения или наказания // Проблемы и пути совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в рамках VIII конгресса ученых-юристов : сб. мат-лов круглого стола в рамках VIII Пермского международного конгресса ученых-юристов, 21 октября 2017 г. Пермь, 2017. С. 19–22.

ных, как правило, по одному в одиночных камерах или комнатах). Рано или поздно данное положение международных документов с помощью стандартов ЕКПП и решений по жалобам заявителей ЕСПЧ из рекомендации станет для России нормой, обязательной к исполнению. Практика превращения Европейских норм-рекомендаций в обязательные установления уже коснулась России: решение ЕСПЧ по делу № 35090/09 от 7 марта 2017 г. «Полякова и другие против Российской Федерации» и др. Выход из создавшегося положения найти непросто, возможно использование частно-государственного партнерства в обустройстве и функционировании мест лишения свободы.

В-пятых, концептуальный документ в части уголовно-исполнительной политики должен содержать основные направления развития стадии исполнения альтернативных мер, включающих исполнение как наказаний без изоляции осужденного от общества, так и иных мер уголовно-правового характера. При принятии решения в рамках уголовно-правовой политики о выделении категории уголовного проступка возможна постановка вопроса об особенностях исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, осужденных по статьям УК РФ.

Имеются и иные, требующие внимания в рамках уголовно-исполнительной политики, проблемы. В настоящей статье не ставится задача их исчерпывающего перечисления.

П. А. Кабанов

О СООТНОШЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ КАК ВИДОВ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Антикоррупционное просвещение как один из инструментов противодействия коррупции используется в антикоррупционной деятельности институтов государства и общества уже долгое время. Дано легальное правовое и доктринальное определение этому виду деятельности, выявлены формы его осуществления, основные структурные элементы и раскрыто содержание, при этом отличаются противоречия, что дезориентирует правоприменительную деятельность. Наиболее часто в федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актах при описании профилактических мер происходит путаница меж-

ду разными видами противодействия коррупции: антикоррупционным просвещением, антикоррупционным образованием, антикоррупционной пропагандой и антикоррупционным информированием. Наиболее часто отождествляются такие виды деятельности, как антикоррупционная пропаганда и антикоррупционное просвещение. Это отчетливо проявляется в региональном антикоррупционном законодательстве. Например, в ч. 1 ст. 5 Закона Рязанской области «О противодействии и профилактике коррупции в Рязанской области» закреплено, что «антикоррупционное просвещение и пропаганда представляет собой целенаправленную деятельность, координируемую и стимулируемую системой государственных и муниципальных заказов, содержанием которой является просветительская работа в обществе, направленная на противостояние коррупции в любых ее проявлениях, укрепление доверия к власти, воспитание гражданской позиции и ответственности»¹. В других случаях указывается, что содержанием «антикоррупционной пропаганды» является просветительская работа в обществе по вопросам противодействия коррупции. Из всей совокупности действующих базовых региональных антикоррупционных законов в 64 (75,3% от их общего количества) содержание антикоррупционной пропаганды сформулировано именно так. В то же время в ст. 5 Закона Еврейской автономной области «О некоторых вопросах противодействия коррупции в Еврейской автономной области» указано, что просветительская деятельность, направленная на противостояние коррупции, является содержанием антикоррупционного просвещения². В отдельных региональных антикоррупционных законодательных актах указано, что антикоррупционное просвещение и антикоррупционная пропаганда — разные инструменты противодействия коррупции. Например, в п. 11 ст. 2 Закона Новосибирской области «О регулировании отношений в сфере противодействия коррупции в Новосибирской области» в качестве мер профилактики коррупции выделяют антикоррупционное просвещение и антикоррупционную пропаганду с раскрытием содержания этих видов деятельности³. При этом под антикоррупционным просвещением понимается просветительская деятельность

¹ *О противодействии* и профилактике коррупции в Рязанской области : закон Рязанской области от 15 июля 2010 г. № 70-ОЗ // Рязанские ведомости. 2010. 20 июля.

² *О некоторых* вопросах противодействия коррупции в Еврейской автономной области : закон Еврейской автономной области от 25 февраля 2009 г. № 526-ОЗ // Биробиджанер штерн. 2009. 5 марта.

³ *О регулировании* отношений в сфере противодействия коррупции в Новосибирской области : закон Новосибирской области от 27 апреля 2010 г. № 486-ОЗ // Советская Сибирь. 2010. 30 апр.

по распространению антикоррупционных идей, знаний, культурных ценностей, а под антикоррупционной пропагандой — пропагандистская деятельность, направленная на формирование антикоррупционного общественного сознания и создание в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

При анализе регионального законодательства о противодействии коррупции мы обнаружили, что иногда соотношение антикоррупционной пропаганды и антикоррупционного просвещения как видов деятельности рассматривается с различных позиций. В одних регионах антикоррупционная пропаганда закрепляется в законодательстве как самостоятельный инструмент противодействия коррупции в форме антикоррупционного информирования⁴. В других — как одна из форм антикоррупционного просвещения наравне с антикоррупционным образованием (Воронежская⁵ и Ярославская⁶ области) и антикоррупционным информированием (Санкт-Петербург⁷, Архангельская⁸ и Брянская⁹ области).

Немало научных исследований, результаты которых уже опубликованы в российских научных периодических изданиях, посвящено вопросам организации и осуществления антикоррупционной пропаганды¹⁰ и анти-

⁴ *О противодействии* коррупции в Республике Алтай : закон Республики Алтай от 5 марта 2009 г. № 1-РЗ // Сборник законодательства Республики Алтай. 2009. № 57(63). С. 4.

⁵ *О профилактике* коррупции в Воронежской области : закон Воронежской области от 12 мая 2009 г. № 43-ОЗ // Собрание законодательства Воронежской области. 2009. № 5, ст. 172.

⁶ *О мерах* по противодействию коррупции в Ярославской области : закон Ярославской области от 9 июля 2009 г. № 40-з // Губернские вести. 2009. 13 июля.

⁷ *О дополнительных мерах* по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге : закон Санкт-Петербурга от 14 ноября 2008 г. № 674-122 // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2008. № 39.

⁸ *О противодействии* коррупции в Архангельской области : закон Архангельской области от 26 ноября 2008 г. № 626-31-ОЗ // Волна. 2008. 9 дек.

⁹ *О противодействии* коррупции в Брянской области : закон Брянской области от 11 июля 2007 г. № 105-3 // Брянский рабочий. 2007. 27 июля.

¹⁰ Горшенков Г. Н. Антикоррупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупции: понятие и сущностное содержание // Следователь. 2010. № 10. С. 32–38 ; *Его же*. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4(16). С. 39–46 ; Кабанов П. А. Понятие и содержание антикоррупционной пропаганды как правовой и научной категории // Следователь. 2013. № 7. С. 12–16 ; *Его же*. Антикоррупционная пропаганда в Республике Татарстан: понятие, правовое регулирование и перспективы развития // Там же. № 8. С. 20–26 ; *Его же*. Понятие и содержание антикоррупционной пропаганды как правовой категории в российском региональном антикоррупционном законода-

коррупционного просвещения¹¹, но и здесь иногда эти два инструмента отождествляются¹². Проблема разграничения правовых научных дефиниций и указанных видов антикоррупционной деятельности требует глубокого научного анализа, что делает подобные исследования актуальными.

Для достижения основной цели исследования (выявить общее и особенное антикоррупционной пропаганды и антикоррупционного просвещения как средств противодействия коррупции) мы решили использовать метод структурного анализа. В качестве общих основных структурных элементов исследуемых явлений как инструментов реализации государственной политики противодействия коррупции мы выделили:

тельстве // Административное и муниципальное право. 2013. № 9. С. 878–884 ; *Его же*. Антикоррупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупции в Республике Татарстан: вопросы повышения качества правового регулирования // Право и политика. 2013. № 9. С. 1130–1138 ; *Его же*. Правовое регулирование организации и осуществления антикоррупционной пропаганды в субъектах Российской Федерации // Следователь. 2013. № 10. С. 15–19 ; *Его же*. Правовое регулирование средств антикоррупционной пропаганды: опыт анализа регионального антикоррупционного законодательства // Проблемы современного российского законодательства : мат-лы II всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 24 октября 2013 г.). Иркутск, 2013. С. 273–277 ; *Дмитриев А. А.* Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание (анализ регионального законодательства) // Диалектика противодействия коррупции : мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2013. С. 53–56 ; *Чагина Е. О., Шиховцова А. О.* Антикоррупционная пропаганда: сравнение регионального законодательства // Диалектика противодействия коррупции : мат-лы IV всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2014. С. 199–202 ; *Тогузаева Е. Н.* Антикоррупционная пропаганда как элемент государственно-правовой политики // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество : сб. науч. ст. Саратов, 2015. С. 126–128.

¹¹ *Галстян И. Ш.* К вопросу об антикоррупционном просвещении как способе повышения правовой культуры и правосознания // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 153–157 ; *Слюсарева Т. Г.* Антикоррупционное просвещение как эффективное направление в борьбе с коррупцией // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2015. № 4. С. 18–22 ; *Кабанов П. А.* Виктимологическое антикоррупционное просвещение: понятие, содержание, формы и средства осуществления // Юридические исследования. 2017. № 6. С. 38–64 ; *Его же*. Антикоррупционное просвещение как инструмент противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные вопросы формирования антикоррупционных стандартов и их применения : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2017. С. 253–263.

¹² *Кученёв А. В.* Роль просвещения и пропаганды в формировании антикоррупционного правосознания // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 4, № 4. С. 254–261.

- а) цели;
- б) объекты;
- в) субъекты;
- г) средства осуществления;
- д) специфику правового регулирования.

Обратившись к одной из основных структурных единиц названных видов антикоррупционной деятельности — целям, мы обнаруживаем следующее. Антикоррупционное просвещение — это предоставление достоверной информации населению (неопределенному кругу лиц) по вопросам противодействия коррупции в доступной для него форме, направленное на достижение следующих целей: формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры¹³, а антикоррупционная пропаганда — это распространение идей и взглядов в обществе в целях формирования антикоррупционного мировоззрения и антикоррупционного поведения¹⁴.

Очевидно, что основные конечные цели антикоррупционной пропаганды и антикоррупционного просвещения как самостоятельных инструментов противодействия коррупции совпадают.

Рассмотрим основные объекты исследуемых видов антикоррупционной деятельности. Анализ используемых региональным законодательством дефиниций показал, что объектом информационного воздействия в обоих случаях выступает население, т. е. неопределенный круг лиц. В то же время не исключается использование этих инструментов в отношении отдельных целевых групп (государственные и муниципальные служащие, руководители хозяйствующих субъектов; лица, обязанные предоставлять сведения о доходах и расходах; учащиеся и сотрудники образовательных организаций; избиратели, пострадавшие от коррупции, и т. д.). Следовательно, объекты информационного воздействия антикоррупционного просвещения и антикоррупционной пропаганды полностью совпадают.

Отметим, что специфика присуща субъектам, осуществляющим антикоррупционную пропаганду и антикоррупционное просвещение. Субъекты антикоррупционного просвещения реализуют государственную поли-

¹³ Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4. С. 42–51.

¹⁴ Кабанов П. А. Антикоррупционная пропаганда в Республике Татарстан: понятие, правовое регулирование и перспективы развития // Следователь. 2013. № 8. С. 20–26.

тику противодействия коррупции. Это определенный круг физических и юридических лиц, прямо предусмотренных федеральными, региональными и муниципальными нормативными правовыми актами (специализированные — органы (подразделения) и их должностные лица, осуществляющие функции по профилактике коррупционных и иных правонарушений; неспециализированные — библиотечные учреждения и их представители и др.). Субъектами антикоррупционной пропаганды выступают различные компетентные в сфере массовой коммуникации лица, уполномоченные на ее осуществление (журналисты и (или) представители пресс-служб органов публичной власти, представители институтов гражданского общества), деятельность которых регулируется законодательством о средствах массовой информации. В отдельных региональных нормативных правовых актах осуществление антикоррупционной пропаганды и антикоррупционного просвещения возлагается на один и тот же орган¹⁵.

Как правило, различия исследуемых нами антикоррупционных инструментов наиболее полно видны при оценке используемых ими средств.

В качестве основных средств осуществления антикоррупционной пропаганды региональное антикоррупционное законодательство предусматривает использование средств массовой информации (44 (53%) региональных антикоррупционных законов). Антикоррупционное просвещение имеет широкий арсенал средств. Оно тоже предусматривает применение средств массовой коммуникации в качестве основных при осуществлении массового антикоррупционного информирования, но в отдельных случаях (например, при индивидуальном антикоррупционном консультировании) их применение не требуется.

Одним из критериев соотношения антикоррупционной пропаганды и антикоррупционного просвещения является специфика их правового регулирования. Правовое регулирование содержания антикоррупционной пропаганды осуществляется региональным антикоррупционным законодательством и региональными (муниципальными) подзаконными нормативными правовыми актами¹⁶. Правовое регулирование органи-

¹⁵ Об уполномоченном органе по организации антикоррупционного просвещения и антикоррупционной пропаганды : постановление Администрации Костромской области от 15 декабря 2012 г. № 533-а // СП — нормативные документы. 2012. 21 дек.

¹⁶ О Порядке организации антикоррупционной пропаганды в Санкт-Петербурге : постановление Правительства Санкт-Петербурга от 24 марта 2010 г. № 307 // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. 2010. № 4 ; Об утверждении Порядка организации антикоррупционной пропаганды государственными органами Республики

зации и осуществления антикоррупционного просвещения осуществляется подзаконными федеральными¹⁷ и региональными¹⁸ нормативными правовыми актами либо региональным антикоррупционным законода-

Башкортостан : постановление Правительства Республики Башкортостан от 5 августа 2013 г. № 353 // Ведомости Государственного Собрания. — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2013. № 24(426), ст. 1086 ; *Об установлении порядка и форм осуществления антикоррупционной пропаганды в Калининградской области* : постановление Правительства Калининградской области от 31 июля 2017 г. № 392. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2017) ; *Об утверждении порядка конкурсного отбора негосударственных некоммерческих организаций на предоставление субсидий с целью проведения антикоррупционной пропаганды, правового информирования и просвещения населения* : постановление Правительства Алтайского края от 12 июля 2017 г. № 257. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.07.2017) ; *Об утверждении состава комиссии для проведения конкурсного отбора негосударственных некоммерческих организаций на предоставление субсидий с целью проведения антикоррупционной пропаганды, правового информирования и просвещения населения* : распоряжение Правительства Алтайского края от 21 августа 2017 г. № 287-р URL: <http://docs.cntd.ru/document/450317977> ; *О порядке проведения журналистского конкурса антикоррупционной пропаганды „СМИ против коррупции“* : приказ контрольно-аналитического комитета Тверской области от 22 марта 2010 г. № 2-НП // Тверская жизнь. 2010. 9 апр.

¹⁷ *Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению на 2014–2016 годы* : распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 мая 2014 г. № 816-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 21, ст. 2721 ; *Об организации антикоррупционного просвещения гражданских служащих ФССП России* : письмо ФССП России от 12 ноября 2014 г. № 00124/14/68745-АП // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2015. № 1 ; *О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы* : указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 14, ст. 1985.

¹⁸ *Об утверждении программы «Антикоррупционное просвещение в Новосибирской области на 2015–2016 годы»* : постановление Правительства Новосибирской области от 28 января 2015 г. №26-п // Советская Сибирь. 2015. 21 февр. ; *Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению в Республике Дагестан на 2014–2016 годы* : распоряжение Правительства Республики Дагестан от 21 августа 2014 г. № 263-р // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2014. № 16, ст. 942 ; *Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению в Чувашской Республике на 2016–2017 годы* : распоряжение Кабинета Министров Чувашской Республики от 18 декабря 2015 г. № 831-р // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2016. № 12, ч. 3, ст. 1590 ; *Об утверждении программы «Антикоррупционное просвещение в Новосибирской области на 2017–2018 годы»* : постановление Правительства Новосибирской области от 27 декабря 2016 г. № 443-п. URL: <http://www.nso.ru> (дата обращения: 28.12.2016) ; *Об утверждении Плана мероприятий по антикоррупционному просвещению в Республике Крым на 2015–2016 годы* : распоряжение Совета министров Республики Крым от 26 декабря 2014 г. № 1584-р.

тельством¹⁹. Здесь имеется общее правовое пространство: организация и необходимость осуществления этих двух видов антикоррупционной деятельности часто регулируются положениями регионального антикоррупционного законодательства и документами регионального²⁰ (в том числе ведомственного²¹) и муниципального²² среднесрочного и краткосрочного антикоррупционного планирования.

Изложенное позволяет утверждать, что антикоррупционная пропаганда и антикоррупционное просвещение — это разные средства противодействия коррупции, обладающие значительным антикоррупционным потенциалом и имеющие определенное сходство. Они характеризуются

¹⁹ *О противодействии* коррупции в Белгородской области : закон Белгородской области от 7 мая 2010 г. № 338 // Белгородские известия. 2010. 28 мая ; *О противодействии* коррупции в Костромской области : закон Костромской области от 10 марта 2009 г. № 450-4-ЗКО // СП — нормативные документы. 2009. 13 марта ; *Об уполномоченном по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре* : закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 2 августа 1999 г. № 43-ОЗ // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 1999. № 7, ст. 470.

²⁰ *О плане* противодействия коррупции в Республике Тыва на 2016–2017 годы : указ Главы Республики Тыва от 25 мая 2016 г. № 61. URL: // <http://docs.cntd.ru/document/439090862> (дата обращения: 21.04.2018) ; *Об утверждении* государственной программы Архангельской области «Обеспечение общественного порядка, профилактика преступности, коррупции, терроризма, экстремизма и незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в Архангельской области (2014–2020 годы)» : постановление Правительства Архангельской области от 11 октября 2013 г. № 478-пп // Волна. 2013. 12 нояб. ; *О государственной Программе* Курганской области „Противодействие коррупции в Курганской области“ на 2014–2018 годы : постановление Правительства Курганской области от 14 октября 2013 г. № 486 // Новый мир. 2013. 15 нояб.

²¹ *Об утверждении* программы „Противодействие коррупции в Главной государственной инспекции регионального надзора Ульяновской области на 2016–2018 годы“ : приказ Главной государственной инспекции регионального надзора Ульяновской области от 19 мая 2016 г. № 18-п // Ульяновская правда. 2016. 6 сент. ; *О плане* противодействия коррупции Управления государственного финансового контроля Республики Адыгея на 2017 год : приказ Госфинконтроля Республики Адыгея от 10 апреля 2017 г. № 28-А. URL: <http://www.adygheya.ru> (дата обращения: 10.04.2017).

²² *Об утверждении* программы „Профилактика и противодействие коррупции“ на 2016–2018 годы : решение Норильского городского Совета депутатов Красноярского края от 28 июня 2016 г. № 32/4-716 // Заполярная правда. 2016. 10 июля ; *Об утверждении* плана мероприятий по противодействию коррупции в администрации города Белгорода на 2017 год : распоряжение администрации города Белгорода от 29 марта 2017 г. № 341. URL: <http://www.beladm.ru> (дата обращения: 30.03.2017) ; *Об утверждении* Плана мероприятий по противодействию коррупции в Симферопольском городском совете Республики Крым на 2016–2017 годы : постановление Председателя Симферопольского горсовета от 11 декабря 2015 г. № 31 // Библиополис. 2016. 10 февр.

ются единством целей и задач, единым объектом информационного воздействия. Их правовое регулирование носит противоречивый и разноуровневый характер. При этом оба вида антикоррупционной деятельности могут использовать для достижения собственных целей одни и те же средства, но арсенал последних у антикоррупционного просвещения шире, чем у антикоррупционной пропаганды. Они различаются, таким образом, субъектом информационного воздействия, содержанием деятельности, шириной средств осуществления и спецификой правового регулирования.

С. Я. Лебедев

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Криминологическая ситуация в современной России характеризуется многими инновационными (по своим криминальным формам и содержанию) процессами и явлениями. Начало таковым положили известные социально-экономические и связанные с ними социально-политические потрясения, существенно обострившие в конце 80-х гг. XX в. социальные противоречия, закономерно ставшие источником новой российской преступности. Сложившаяся на тот момент отечественная система правоохранительного антикриминогенного контроля по понятным причинам оказалась неспособной противостоять нарастающему валу криминала. Ситуация осложнялась усиливающимся разложением некогда стройной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, особенно той ее части, которая обеспечивалась мощным превентивным потенциалом институтов гражданского общества. Это закономерно привело к нивелированию антикриминогенной предупредительной деятельности и, соответственно, выходу основной, наиболее дерзкой части преступности из-под правоохранительного контроля. В итоге в обществе стал ускоренными темпами накапливаться мощный криминогенный потенциал, создающий одновременно прочную социальную базу для последующих экспансий преступности на российской территории.

Печальной реальностью стали большинство из подготовленных тогда специалистами прогнозов развития криминологической ситуа-

ции в России. Как и указывалось криминологами, центром преступных устремлений стал крупный капитал. Началась интенсивная криминализация экономики. Существенно преобразилась социальная база преступности. Обычных маргиналов значительно потеснили преступники, представлявшие ранее слои населения, традиционно считавшиеся благополучными. Изменился и образ преступника, существующий в общественном сознании: из бытового дебошира, пьяницы, вора, туеядца и хапуги он трансформировался в вызывающего зависть и уважение удачливо-го бизнесмена, который умеет обойти или нарушить закон, получая при этом сверхприбыль.

Резко возросло число таких ранее редких преступлений, как крупномасштабные финансовые мошенничества, заказные убийства, вымогательства, похищения людей, шантаж, уничтожение имущества и др. С одной стороны, ведущей психологической окраской криминального поведения стала безудержная, лишенная какой-либо элементарной человеческой бдительности перед перспективой относительно легкого завладения огромными материальными ресурсами, алчность, с другой — такая же «бесшабашная» по своей поведенческой симптоматике агрессия, жестокость, немотивированное насилие. Ярких криминогенных красок этой новой криминальной вакханалии, безусловно, добавили расширяющиеся в российском пространстве наркобизнес, незаконный оборот оружия, слабо контролируемые массовые процессы миграции, крепнущий и нарастающий потенциал экстремизма и терроризма, повсеместно вышедшая из разумных берегов коррупция и др.

Особую лепту в современное развитие инновационных криминальных процессов внесли активно развивающиеся информационные технологии, сопровождающие большую часть преступности, превращающие ее в новое качество киберугрозы, несоизмеримой по своему губительному ресурсу для цивилизации, нежели любая из известных ранее традиционных форм относительно массового преступного поведения.

Все подобные криминальные «коктейли» интенсивно питают молодежь, часть которой детерминирована идеями обретения богатства путем, далеким от моральных и высоконравственных ориентиров, рекламу которому создает самим фактом своего существования современный успешный преступный мир. В результате преступность молодеет и определяет далеко не радужную для всеобщей безопасности перспективу своего будущего процветания.

В российскую преступность свои криминогенные инновации приносит обостряющаяся многими противоречиями и конфликтами международная обстановка. Источником таких обострений стали известные

трагические события конца 2013 — начала 2014 гг. в Украине, предопределившие результаты всенародного референдума в Крыму, а также последовавшего за ним присоединения территории Крыма к Российской Федерации. Большинство государств-членов ООН не приняло последствий крымского референдума и нового статуса Крыма, расценив действия Российской Федерации в качестве аннексии части украинской территории. Вслед за таким неприятием западные державы ввели против России политические и экономические санкции, сопровождаемые многочисленными политическими и информационными инсинуациями, фактически разрушающими сложившиеся международные отношения, развивающими угрозы не только внешней, но и внутренней безопасности России.

В результате формируемые под влиянием международных противоречий новые криминогенные тенденции в развитии общественных отношений заметно изменили криминологическую картину отечественной преступности. Современная криминологическая ситуация, особенно в южных регионах России, выступающих на протяжении последних 10–15 лет определенным приоритетом нашей национальной безопасности, индуцирует смещение внутреннего криминогенного фона с традиционных социально-экономических, нравственно-психологических и социально-демографических ресурсов преступности на социально-политические и идеологические, укрепляемые и развиваемые нарастающими внешними угрозами безопасности¹. Разумеется, это сказывается в целом на состоянии общероссийской преступности и на формах и методах ее предупреждения.

Как результат взаимодействия старых и новых противоречий, современная преступность политизируется, идеологизируется, конфессионализируется, что выражается не только в закономерной для таких обстоятельств активизации угроз криминального экстремизма и терроризма, но и в изменении мотивационного фона традиционной «общеуголовной» преступности. Иными словами, заметно проявляет себя криминологический сюжет культивации криминогенного «гибрида» из доморощенных и заморских криминогенных «ингредиентов». Такой криминогенный симбиоз стимулирует:

а) расширение и укрепление социального неравенства, как результат — рост числа преступлений против собственности, нарастание криминального потенциала во всех сферах экономической деятельности;

¹ Лебедев С. Я. Криминологические предпосылки и перспективы научного обеспечения развития системы общественной безопасности в южном регионе России («новая криминология российского юга») // Современные проблемы уголовной политики : мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф., 25 сентября 2015 г., г. Новороссийск. Краснодар, 2015. С. 81.

б) расширение процессов сращивания бизнеса и криминальных структур, что существенно укрепляет отечественный криминал экономически и превращает его в эффективное средство решения экономических задач, одновременно нейтрализуя в экономике позитивные изменения и тенденции правоупорядоченного развития;

в) расширение масштабов коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления, что закономерно укрепляет позиции организованной преступности;

г) развитие агрессивного потенциала у части представителей социально незащищенных слоев населения, в связи с чем происходит интенсификация в их среде проявлений криминального насилия, в том числе с неопределенной мотивацией, скрытой от правоохранительного контроля;

д) эскалацию национализма, религиозной нетерпимости, формирующих идеологическую базу для радикальных группировок и течений, настроенных на активную криминальную деятельность, совершение террористических актов, подстрекательство к антиконституционным действиям;

е) активизацию криминальной активности безработных и в целом маргинализованных слоев населения, способных (наряду с традиционными преступлениями) направить свой «разрушительный» потенциал на достижение политических целей;

ж) расширение масштабов незаконного оборота наркотиков и оружия;

з) снижение защищенности населения от преступных посягательств.

В названных криминологически инновационных обстоятельствах существенно обостряется существующее в социально-правовой действительности характерное для российского правового пространства противоречие между правоохранительными интересами населения, претендующего на защищенность от любых криминальных посягательств, и потенциальными ресурсами правоохранительных органов, традиционно нацеленных на контроль за объектами криминальных угроз в ущерб реальному обеспечению требуемой населением антикриминальной защиты. В нивелировании этого противоречия содержится огромный антикриминогенный ресурс, до настоящего времени не только не используемый, но и не оцененный ни учеными, ни практиками, ни законодателями, ни правоприменителями.

Перечисленные современные тенденции преступности, ее социальная опасность и соответствующее ей обоснованное снижение степени безопасности личности, общества и государства сами собой предопределяют необходимость разработки новой концепции модернизации пред-

упредительной деятельности органов внутренних дел, выступающих на правоохранительном уровне основным субъектом решения проблемы контроля над преступностью в стране. Предполагаемые изменения должны касаться главным образом трех магистральных направлений деятельности органов внутренних дел: обеспечения общественного порядка и общественной безопасности; предупреждения преступлений и административных правонарушений; их раскрытия и расследования. Именно они, как известно, составляют функциональное ядро содержательной деятельности МВД России.

Разумеется, безопасность и главная гарантия ее обеспечения — предупреждение преступности — выступают приоритетными направлениями полицейской деятельности. Новые сюжеты современной криминологической ситуации в России — главные ориентиры, профессиональная оценка которых позволяет органам внутренних дел *системно*, т. е. *адекватно (по масштабам) и оптимально (по ресурсам)*, максимально эффективно обезопасить россиян от преступности. Потому создание такой системы является основной стратегической перспективой предупреждения органами внутренних дел преступлений и административных правонарушений.

Актуализируется и необходимость постоянного научно-аналитического контроля над криминологической ситуацией (ситуациями), формирующей информационную криминологическую базу оперативного и перспективного (адекватного по целям и оптимального по средствам) обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности, что одновременно создает определенные гарантии общей национальной безопасности. Соответственно, в современных условиях существенно возрастает роль и значение криминологического знания о преступности и ее предупреждении. Именно оно призвано создать приоритетную научную основу антикриминогенной практики (от законодательной до правоприменительной), которая будет способна надежно обеспечивать общественный порядок и общественную безопасность, предупреждать преступления и минимизировать их социально опасные последствия. В этом и состоит высокая социально-правовая миссия криминологической науки. Позитивные перспективы криминологического обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности видятся нам в:

а) регулярном (систематическом) *наполнении* повседневной правоохранительной деятельности органов внутренних дел новой научно-аналитической информацией криминологического характера;

б) постоянном криминологическом *контроле* (мониторинге) над целенаправленным и обоснованным использованием криминологической

информации в соответствующей правоохранительной практике органов внутренних дел;

в) систематическом криминологическом *сопровождении* подготовки, принятия и реализации различного уровня управленческих решений в органах внутренних дел, направленных на обеспечение общественной безопасности и предупреждение преступности (криминологическая экспертиза);

г) регулярном криминологическом *просвещении* и сопутствующей ему криминологической *агитации* населения, нацеленных на формирование, укрепление и поддержание в массовом сознании людей уверенности в своей безопасности и необходимости активного содействия органам внутренних дел в решении общих правоохранительных проблем ее (безопасности) обеспечения;

д) целенаправленной организации внутреннего и внешнего криминологического *взаимодействия* органов внутренних дел с институтами гражданского общества, средствами массовой информации, бизнес-сообществом, с иными органами государственной власти и управления, с альтернативными службами безопасности и др.

Речь идет о перспективном системном (программно-целевом) криминологическом обеспечении общественной безопасности и о предупреждении преступности в стране. Теоретическое осмысление и экспериментальная разработка проблем криминологического обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности должны стать основой разработки соответствующих федеральной и региональных программ, реализация которых (безусловно, с участием органов внутренних дел) призвана стать масштабным государственным социально-правовым проектом, направленным на:

— выявление федеральных и региональных внутренних и внешних криминальных угроз, определение степени их влияния на состояние безопасности и эффективность предупредительной деятельности, в том числе органов внутренних дел;

— определение состояния защищенности от криминальных угроз различных социальных и социально-профессиональных групп населения и правоохранительного обеспечения их безопасности от преступных посягательств в качестве основы для организации виктимологической профилактики, в том числе в предупредительной деятельности органов внутренних дел;

— определение состояния защищенности от криминальных угроз различных сфер общества и государства и правоохранительного обеспечения их безопасности от преступных посягательств с организацией раз-

работки (совместно с органами внутренних дел) соответствующих криминологических паспортов территорий и объектов;

— определение криминологических приоритетов общественной безопасности и предупреждения преступности (в том числе для органов внутренних дел) в зависимости от степени криминогенного влияния на общественные отношения (объекты) и необходимости организации первостепенной защиты, входящей в систему профессиональной компетенции органов внутренних дел;

— разработку приоритетных направлений правоохранительного обеспечения (в том числе с участием органов внутренних дел) общественной безопасности и предупреждения преступности;

— определение ресурсной базы (в том числе органов внутренних дел) реализации приоритетных направлений правоохранительного обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности с учетом достижения оптимальности использования соответствующего антикриминогенного потенциала;

— формирование криминологических механизмов реализации программ обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности, в том числе с учетом функциональной специфики органов внутренних дел.

Получаемые от реализации программно-целевого криминологического обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности научно обоснованные результаты, наравне с достижением собственно антикриминогенных целей, откроют перед правоохранительными органами (включая органы внутренних дел) новые благоприятные перспективы для минимизации криминогенного и криминального потенциала угроз безопасности и их социально-негативных последствий, следовательно, укрепят авторитет органов внутренних дел в глазах населения и органов государственной власти как одного из основных субъектов обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступлений и административных правонарушений. При этом самостоятельный превентивный эффект будет исходить от создания и реализации в рамках предлагаемого проекта:

— системы программно-целевого обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступности;

— федеральной и региональных индустрий общественной безопасности и предупреждения преступности;

— системы профессионального обучения специалистов правоохранительной деятельности и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов (в том числе органов внутренних дел) методи-

кам обеспечения криминологической защиты населения от преступных посягательств;

— системы обучения населения самостоятельным способам и формам защиты от преступных посягательств.

Несомненно, все это в комплексе будет способствовать укреплению общественной безопасности и совершенствованию системы предупреждения органами внутренних дел преступлений и административных правонарушений, а также укреплению авторитета правоохранительных органов, включая органы внутренних дел, и органов государственной власти в целом.

М. А. Бучакова

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Миграция является одной из серьезных проблем современной цивилизации, причем в последние десятилетия наблюдается значительная активизация миграционных процессов во всем мире. События в Ираке, Ливии, Сирии привели к значительным потокам мигрантов в страны Западной Европы. Взаимодействие различных этносов, отличия социокультурного, образовательного, психологического характера вызывают конфликты между мигрантами и коренным населением, ведут к росту числа правонарушений, прежде всего насильственного характера. Совершаемые мигрантами преступления вызывают большой общественный резонанс, затрагивают межгосударственные интересы и правопорядок страны. Сложен процесс адаптации данной категории лиц к новым условиям социума. Как правило, мигранты живут изолированно от общества, придерживаются своих традиций и обычаев, не стремятся приобщиться к культурным ценностям, в которую прибыли. При этом регулирование государствами миграционных потоков, как правило, неадекватно интересам общества, не учитывает в полной мере реальную ситуацию в данной сфере. В условиях глобализации государства теряют контроль не только над перемещениями капитала, товаров, информации, но и людей. Названные обстоятельства свидетельствуют о сложности и неоднозначности миграционных процессов. Поэтому проблемы, порождаемые ими, относят к одним из самых острых и трудноразрешимых, что побуждает государства проводить жесткую миграционную политику, направленную на ограничение числа въезжающих: осуществлять комплексные прове-

100

рочные мероприятия в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, результатом которых может быть депортация прибывших.

Для Российской Федерации вопросы миграции приобрели особую актуальность и значимость после распада СССР. По оценке ООН, наша страна занимает второе место в мире по числу мигрантов — это 11 млн человек¹. Контингент въезжающих — граждане государств СНГ, в основном Узбекистана, Кыргызстана, Украины, часть из них въезжает и проживает на территории России нелегально. В связи с этим противодействие незаконной миграции, регулирование миграционных потоков в интересах общества является важнейшей задачей государства на современном этапе. Обеспечение безопасности общества и государства требует выработки и реализации стратегии предупреждения и пресечения незаконной миграции.

В целом миграционная политика выстраивается в соответствии с потребностями общества и государства, тесно связана с проблемой обеспечения национальной безопасности. Вопросы правового регулирования и контроля за миграцией закреплены в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года², в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.³

Приоритетным направлением обеспечения безопасности называется осуществление социальных, политических и экономических преобразований в целях создания условий реализации конституционных прав и свобод граждан, устойчивого развития государства, сохранения территориальной целостности и суверенитета России. Стратегическими целями обеспечения безопасности в области повышения качества жизни выступают стабилизация численности населения и коренное улучшение демографической ситуации. В современных условиях улучшение демографической ситуации без притока мигрантов невозможно. Поэтому разрешение проблем миграции, обеспечения прав и свобод въезжающих лиц, их трудоустройства важно для современной России. Однако большое число незаконных мигрантов, преступность данной категории лиц свидетельствуют о несовершенстве действующей системы управления миграционными процессами.

¹ Базы данных Организации Объединенных Наций. URL: <http://un.org.ru/databases/> (дата обращения: 15.02.2018).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газета. 2009. 19 мая.

³ Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/news/15635> (дата обращения: 15.02.2018).

Хотя регулирование миграционных процессов выступает в качестве одного из важных направлений государственной деятельности, вопрос эффективности деятельности полномочных органов по-прежнему актуален. До недавнего времени основным государственным органом в сфере миграции являлась институционально независимая Федеральная миграционная служба, однако Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 ФМС России была упразднена, а ее функции, полномочия и задачи переданы МВД России⁴. До упразднения ФМС России органы внутренних дел осуществляли определенные полномочия в исследуемой сфере, прежде всего контрольно-надзорного характера за пребыванием на территории Российской Федерации иностранных лиц и лиц без гражданства. Данные полномочия осуществлялись во взаимодействии с миграционными органами, что следовало из положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵. Согласно п. 33 ст. 12 данного Закона полиция в соответствии с поставленными перед ней задачами обязана: «...участвовать в осуществлении контроля за соблюдением гражданами Российской Федерации и должностными лицами порядка регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания в Российской Федерации, въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации и транзитного проезда через территорию Российской Федерации во взаимодействии с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции»⁶. При этом значительный объем полномочий осуществлялся сотрудниками полиции в сфере предупреждения, выявления и пресечения правонарушений в сфере миграционного законодательства, применения мер принуждения, а также исполнения административных наказаний вплоть до реализации административного выдворения. Однако при взаимодействии ведомств из-за недостаточной их скоординированности снижалась эффективность их работы в части осуществления функций полицейского характера, что негативно отражалось на полноте системы учета и контроля мигрантов, создавая благоприятные условия для вовлечения их в преступную деятельность.

⁴ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 15, ст. 2071.

⁵ *Рос. газ.* 2011. 8 февр.

⁶ Там же.

Реформирование миграционных органов имело перманентный характер. Мероприятия по реорганизации федерального органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере миграции и осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции определялись двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, просматривалось стремление сделать такой орган самостоятельным и институционально независимым, с другой — эффективная работа возможна была только в тесной взаимосвязи с органами внутренних дел, особенно в вопросах соблюдения прибывающими лицами правил миграционного учета.

Ретроспективный анализ свидетельствует, что вопросы управления в сфере миграции, контроля за иностранцами, регистрационного учета и т. д. традиционно находились в ведении органов внутренних дел. История создания и развития паспортно-визовой службы берет свое начало от образованных в 30-х гг. прошлого столетия паспортных отделов, отделений и подразделений виз и регистрации иностранцев⁷. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 15 февраля 1993 г. № 124 данные подразделения были реорганизованы в паспортно-визовую службу органов внутренних дел Российской Федерации⁸. В 2004 г. создана ФМС России как федеральный орган исполнительной власти, сосредоточивший комплекс правоприменительных функций в сфере миграции. Однако предложения ученых о необходимости освобождения милиции / полиции от несвойственных ей функций явились толчком к реформированию органов внутренних дел и выведению миграционных органов из системы МВД России.

В настоящее время Министерство внутренних дел Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в указанной сфере. В соответствии с приказом МВД России от 15 апреля 2016 г. № 192 «Об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁹ к функциям подразделений по вопросам миграции отнесены:

⁷ *Административная деятельность полиции. Часть Особенная* : учеб. пособие / О. И. Бекетов [и др.]. Омск, 2016. 356 с.

⁸ *Собрание актов Президента и Правительства РФ*. 1993. № 8, ст. 659.

⁹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— производство по делам о гражданстве Российской Федерации, оформление и выдача основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации;

— осуществление регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, контроль за соблюдением гражданами и должностными лицами правил регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации;

— осуществление миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации;

— оформление и выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства документов для въезда в Российскую Федерацию, проживания и временного пребывания в Российской Федерации;

— осуществление федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции;

— осуществление в соответствии с законодательством Российской Федерации контроля и надзора в сфере внешней трудовой миграции, привлечения иностранных работников в Российскую Федерацию и трудоустройства граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации;

— разработка и реализация во взаимодействии с иными структурными подразделениями Министерства, территориальными органами МВД России, иными государственными органами мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции;

— исполнение законодательства Российской Федерации по вопросам беженцев и вынужденных переселенцев, участие в установленном порядке в предоставлении политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства;

— оперативная координация действий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, участвующих в реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, а также контроль за ее реализацией совместно с Межведомственной комиссией по реализации указанной Государственной программы.

Данная деятельность осуществляется во взаимодействии подразделений и служб, входящих в систему МВД России, основным из которых является подразделение по вопросам миграции. Органы внутренних дел призваны решать задачи по повышению эффективности управления миграцией, созданию условий для привлечения соотечественников и квали-

фицированных трудовых мигрантов, обеспечению контроля за миграционной ситуацией. Некоторые вопросы в сфере государственного управления миграцией в Российской Федерации входят в компетенцию МИД России, соответствующие подведомственные ему учреждения — консульства предоставляют государственные услуги и выполняют государственные функции в сфере миграции за рубежом. Органы Федеральной службы безопасности непосредственно участвуют в борьбе с незаконной миграцией.

Реформа привела к тому, что органы внутренних дел, вырабатывая и реализуя государственную политику в миграционной сфере, решают задачи и осуществляют несвойственные им полномочия. Так, особое внимание уделено вопросам адаптации мигрантов и включения их в общественную жизнь страны, что предполагает создание цивилизованных условий для их проживания и осуществления трудовой деятельности. Однако органы внутренних дел не наделены необходимым для этого арсеналом средств, так как основная их задача — это противодействие преступности и обеспечение общественного порядка. Миграция — это не только вопросы безопасности, защиты прав и свобод граждан, но и комплекс проблем экономического характера, связанных с их распределением по территории субъектов Федерации и трудоустройством (например, выдача патента на занятие трудовой деятельностью, решение вопросов, связанных с реализацией программ по переселению соотечественников из-за рубежа). Это позволяет поставить вопрос о дальнейшей оптимизации полномочий в исследуемой сфере отношений и передачи части из них Министерству труда и Министерству экономического развития России.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бабурин Василий Васильевич** — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России.
- Бавсун Максим Викторович** — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Омской академии МВД России по научной работе.
- Безверхов Артур Геннадьевич** — Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева.
- Бимолданов Ержан Малаевич** — кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есенбулатова.
- Благов Евгений Владимирович** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.
- Борков Виктор Николаевич** — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России.
- Бучакова Марина Александровна** — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.
- Дворянсков Иван Владимирович** — доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва).
- Кабанов Павел Александрович** — доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязева.
- Карпов Кирилл Николаевич** — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России.
- Кожевина Марина Анатольевна** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.
- Лебедев Семен Яковлевич** — Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (г. Москва).
- Нечепуренко Алексей Алексеевич** — доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России.
- Попов Игорь Владимирович** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Омской юридической академии.
- Селиверстов Вячеслав Иванович** — Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

Кожевина М. А. «Наука истории русского права» в отечественной юриспруденции дореволюционной России	3
Бабурин В. В. Актуальные вопросы классификации зарубежных уголовно-правовых систем	9
Благов Е. В. О понятии уголовной ответственности	17
Бавсун М. В., Бимолданов Е. М., Карпов К. Н. Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления (уголовного правонарушения) в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан.	25
Нечепуренко А. А. Об уточнении понятия «совершение преступления впервые»	36
Безверхов А. Г. Понятие преступлений против здоровья: юридико-технический анализ	44
Дворянсков И. В. О совершенствовании уголовно-правового регулирования ответственности за криминальные банкротства.	54
Попов И. В. Разграничение состава преступления, предусмотренного ст. 247 УК РФ, с иными составами главы 26 УК РФ.	59
Борков В. Н. Уголовно-правовое разделение власти и бизнеса.	71
Селиверстов В. И. Проблемы концептуального обеспечения уголовно-исполнительной политики Российской Федерации	79
Кабанов П. А. О соотношении антикоррупционного просвещения и антикоррупционной пропаганды как видов антикоррупционной деятельности.	85
Лебедев С. Я. Тенденции современной преступности и приоритеты развития органов внутренних дел как субъекта предупреждения преступлений и обеспечения общественной безопасности	93
Бучакова М. А. К вопросу об оптимизации полномочий органов внутренних дел в сфере миграции	100
Сведения об авторах	106

Научное издание

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных трудов

Выпуск 13

Редактор О. В. Арефьева

Корректор М. В. Виноградова

Технический редактор Н. М. Серова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать ????.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 75 экз. Заказ № ???.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7